
ЛЮСИЯ ВЕДЕНСКАЯ
18+
ТЕНЬ ГИДЕОНА
И ВЕЧНО БУДЕТ НОЧЬ

Люсия Веденская

Тень Гидеона. И вечно будет ночь

«Литнет»
2025

Веденская Л.

Тень Гидеона. И вечно будет ночь / Л. Веденская — «Литнет», 2025

— Просто уйди, — прошептала она, но не двинулась с места.— Скажи громче, — его губы почти касались ее лица, но оставались на расстоянии дыхания. — Или скажи «останься».***Что может сломить вампира? Любовь или нечто куда сильнее?Он древний и всесильный, давно забывший, каково быть человеком. За долгие годы жизни после смерти привык брать, подчинять и властвовать, не в силах сдержать свою темную суть. Она простая смертная, слабая и бесполезная, но слишком дерзкая, чтобы подчиниться мужчине.Их встреча стала игрой. Со временем игра превратилась в жажду. И жажда переросла в настоящую одержимость.Он хотел сломить ее, подчинив себе, но незаметно сдался сам. Теперь ему нужна не собственная власть, а ее превосходство, но как объяснить то, что древний вампир жаждет поражения от рук смертной девушки?Он долгое время считал чувства слабостью, но оказалось, что настоящая слабость — это желание быть сломленным.⚠# Почти дарк-романс. Много страсти, власти и боли. ХЭ не будет. Строго 18+

© Веденская Л., 2025
© Литнет, 2025

Содержание

Первая глава 5
Вторая глава 13
Третья глава 21
Четвертая глава 32
Пятая глава 39
Шестая глава 48
Седьмая глава 56
Конец ознакомительного фрагмента. 57

Первая глава

С самого рассвета небо окрасилось во все оттенки серой тьмы, и дождь — не проливной, не ледяной, но пронизывающий и вязкий, как сырость в погребах старинных домов, — тихо стекал по плащам, вползал под воротники, цеплялся за пряди волос, превращал лица в безликие маски. Аделин Моррис стояла у самого края могилы, недвижимая, как статуя скорби, не пытаясь защититься одним из тех зонтов, под которыми укрывались дамы позади нее. Ветер, нетерпеливый, как дикое животное, рвал с ее плеч траурную черную вуаль, но она не придерживала ее руками, не поправляла, словно отдавшись на волю судьбы.

За все время похорон Аделин не пролила ни слезы.

— Он был человеком твердых убеждений, — вещал чей-то уставший мужской голос, пастора, должно быть. — Мужем. Отцом. Наставником…

«Тираном, — отозвалось внутри у девушки. — Садистом. Существо с каменным сердцем, чье биение, наконец, прекратилось — и хвала небесам за это».

По левую руку мать прижимала кружевной платок к лицу, скрывая дрожь губ. Ее плечи вздрагивали, будто от ураганного ветра, но на самом деле это были почти ничем не сдерживаемые рыдания. Женщина, которая обычно была против какого-либо проявления детских эмоций на людях, теперь совершенно не стеснялась собственной слабости. Эдвард, старший брат Аделин, застыл справа от нее, будто высеченный из камня: губы сжаты, взгляд сух и пуст, подбородок напряжен. Он теперь стал главой всего небольшого рода Моррисов. Ему предстояло всю оставшуюся жизнь решать кому — наследие, кому — долги, кому — молчание. Теперь он контролировал, кому что принадлежит.

Аделин не желала принадлежать никому и ничему.

— Мисс Моррис, примите мои глубочайшие соболезнования, — проговорила миссис Хатчингс, соседка по владениям, словно заговорщически склонившись к девушке. В ее голосе дрожало что-то неуверенное, как щедро налитое вино в хрупком бокале на шатком столе. — Ваш отец был истинным джентльменом…

Аделин едва заметно улыбнулась, но улыбка ее получилась ледяной, без благодарности и без фальши. Лишь тишина и взгляд, устремленный туда, где за туманными холмами чернел острием шпиля старый замок Грейхолл.

— Он все еще стоит, — прошептала Аделин себе под нос, проигнорировав слова соседки.

— Простите? — переспросила миссис Хатчингс, слегка опешив.

— Замок, — повторила Аделин чуть громче, хотя совсем не интересовалась этим диалогом. — Его видно даже отсюда. Интересно, живет ли там кто-нибудь?

Собеседница смутилась, словно ребенок, уличенный во лжи:

— Поговаривают, что давно он пуст…

Аделин наклонила голову набок, ей было искренне любопытно получить ответ на свой вопрос. Потому что в последние недели в его ранее вымерших черных окнах вновь начали мерцать огни. А по ночам, она готова поклясться, доносилась музыка.

Старики рассказывали, что лорд Гидеон Грей исчез полвека назад. Кто-то утверждал, что умер. Иные — что был проклят, что служил самому дьяволу или стал им сам. Или что сын его поднял руку на отца, убил родителя и занял место повелителя тьмы.

Но в этот день, день похорон человека, отнявшего у нее голос, волю и всякую надежду на справедливость, которая в итоге все-таки восторжествовала, Аделин думала лишь о том, что мрак в стенах замка, быть может, намного честнее траура, облекающего ложь в черные кружева.

Когда ритуальное прощание было завершено и последние горсти земли легли на гроб, слова пастора рассыпались в воздухе, как пепел, и толпа на кладбище начала редеть, Аделин осталась стоять в одиночестве. Стояла, как страж над тайной комнатой, которую никто не должен был открыть. Мать удалилась, опершись на руку Эдварда, вся в слезах, сломленная этой душевной болью. Брат тоже не оглянулся.

Аделин знала: он догадывается.

Он всегда был внимателен. Даже в ту последнюю ночь, когда отец вновь вошел в ее комнату — с хрипом голодного зверя, с тяжестью власти, которую он обрушивал на беззащитную дочь, — Эдвард, кажется, уловил нечто: звук или тень, вызвавшие подозрение. Уже потом он почти убедился в своих догадках, когда нашел тело, распростертое у подножия лестницы. Когда заметил следы крови на перилах. Когда отыскал в подвале запачканную кровью кочергу, спрятанную торопливо и не отмытую дочиста.

Но брат не произнес ни слова.

И она не призналась. Ни ему, ни себе. Не признала, что действовала с ясной решимостью. Не рассказала, как ждала возможности и сколько терпела. Что в тот момент, когда отец вновь заговорил о «браке» с пожилым другом семьи — о сделке, как о передаче товара из рук в руки, — в ней что-то навсегда оборвалось.

Он хотел взять ее еще раз, возможно, в последний раз, прежде чем передать другому — как передают скотину на ярмарке.

Все как-то закрутилось, они вышли в коридор. Он поскользнулся у самой лестницы, она подтолкнула. Один толчок — и три года ужаса оборвались, как потрепанная нить.

Но потом… потом Аделин спустилась следом за отцом и увидела, что он еще дышит. Еще держится и цепляется за жизнь. Она видела, как он пытается встать. В его глазах не было страха, только ярость, которую она знала слишком хорошо. И тогда она взяла ближайший к ней тяжелый предмет и ударила.

Раз.

Два.

Три.

Ее окружила тишина, как будто защищая от произошедшего.

Только сердце, ее собственное сердце, предательски стучало так громко, что казалось, даже стены далекого замка могут дрогнуть от этого звука, не говоря уже о собственном доме.

Она думала: будет бояться. Оцепенеет. Заплачет. Но нет. Все, что пришло, было холодным.

Освобождение.

Пустота.

Спокойствие.

Дом после похорон встретил семью тяжестью неподвижного воздуха и запахом пыли, будто сама смерть впиталась в старые обои. Мать ушла к себе, прикрывая лицо платком, рыдая не столько по мужу, сколько по собственной разрушенной жизни — до или после смерти супруга.

Эдвард молча прошел в кабинет, сбрасывая перчатки с рук. Остановился у камина, где не разжигали огонь с самой весны.

Аделин не пошла к себе, она осталась стоять в дверях, наблюдая за братом. Он теперь стал хозяином и явно старался вжиться в эту роль. Все в его движениях стало чуть более уверенным, чуть медлительнее, как у человека, который знает, что за ним последнее слово. Спина выпрямлена. Плечи прямые. Голос стал тише, но тверже, особенно когда он говорил с прислу-

гой. Он унаследовал манеру отца быть резким. Даже его запах — кожа, табак, мыло — теперь отдавал чем-то слишком знакомым.

Аделин почувствовала, как внутри поднимается волна тошнотворного жара.

— Ты что-то хотел сказать мне у могилы? — она все-таки решила начать этот неприятный диалог первой, но ее голос прозвучал почти безжизненно.

Он обернулся и посмотрел сестре прямо в глаза.

— Нет, — ответил он. — Просто… ты слишком спокойна, как для его дочери.

А ты — слишком собран… — она чуть качнула головой, будто сама себе не поверила, — как для его сына.

Он прищурился, в этом взгляде она увидела тень… Не подозрения, нет. Хуже. Она заметила попытку все понять и простить.

— Наш отец был сложным человеком, — сказал Эдвард тихо. — Но он все равно был…

— Наш отец? — перебила она. — Да, именно. «Наш отец». И все, что ты хочешь мне сказать, ты уже сказал этой фразой.

Она уже повернулась, чтобы уйти, но он произнес сдержанно:

— Если ты что-то сделала… я хочу знать, что это было не просто…

— Что? Не просто случайность? Или не просто справедливость?

Он замолчал.

В какой-то миг в его осанке проступило нечто до боли знакомое — властность, не терпящая возражений. Похожий наклон головы. Та же складка между бровей.

Все, как у отца.

И что-то внутри Аделин сорвалось.

— Не смей, — прошипела она. — Не смей быть на него похожим.

— Аделин… — Он шагнул к ней, как будто хотел утешить.

Она резко отступила. Сердце гремело в груди, руки дрожали. На мгновение ей почудилось, что если он дотронется, она снова увидит свой самый страшный кошмар. Почувствует прикосновение настоящего ужаса или, как минимум, его присутствие. Или произойдет что-то другое, еще более страшное.

— Не подходи ко мне. Никогда. Не таким.

Эдвард остался стоять. Смотрел, как она разворачивается и уходит, шагая быстро, как будто спасаясь от чего-то.

Аделин поднялась в свою комнату, заперла дверь и, прижавшись спиной к прохладной панели, впервые за все это время позволила себе вдохнуть глубже.

Нет. Она не сломается.

Она уже пережила одно чудовище. Второму не позволит даже вырасти.

Солнце садилось рано. Август близился к концу, и воздух наполнялся сыростью. Казалось, сама природа пыталась смыть следы всего, что случилось.

Переждав немного, Аделин покинула дом и вышла за калитку, не предупредив никого. Подол длинного платья шуршал по гравию, шаги глухо отдавались по узкой дорожке, ведущей к холму. За спиной оставалось их родовое гнездо: слишком тесное, слишком полное памяти и молчания.

Она шла, будто что-то звало ее. Не конкретный голос, скорее смутное ощущение правильного пути. Чувствовалось напряжение в воздухе, словно каждый шаг приближал ее к чему-то новому и одновременно тому, где она уже была, превращая простую прогулку в томительное ожидание.

На вершине холма открывался вид на долину. Вдалеке — темнеющий лес, серые поля, цепь низких деревень, застывших в дымке. И там же — он, настоящий замок.

Словно вырезанный из самой ночи, его каменный силуэт возвышался над деревьями, с башнями, уходящими в небо, и острыми, как клыки, шпилями. Его окна казались черными и

слепыми. Его угольные стены — как будто тлеющими изнутри, хотя огненно-яркое солнце уже почти скрылось за горизонтом.

Легенды о нем Аделин слышала с детства. Замок лорда Грея… О нем говорили так часто и так много всего. Говорили, что он покинут. Что владелец уехал за границу. Или умер. Или не был человеком вовсе. Эти легенды повторялись много раз, передавались из уст в уста, обрастая все более неожиданными подробностями.

Но теперь замок не выглядел покинутым. Он смотрел своими окнами на нее. Этого нельзя было увидеть стороннему зеваке, но Аделин кожей чувствовала взгляд на себе.

Ветер пробежал по траве, и вдруг на улице стало холодно. Аделин обхватила себя руками, хотя внешнего холода почувствовала не почувствовала, только странную дрожь изнутри. Она знала, почти ощущала, что где-то там за закрытыми окнами кто-то стоит. Кто-то живой видит ее.

И девушке почему-то не хотелось, чтобы этот кто-то отводил от нее взгляд.

Когда она вернулась домой, было уже затемно. Дверь скрипнула, как обычно, и снова захлопнулась слишком громко. Во всех комнатах было темно, только в гостиной горела лампа. Мать дремала, уронив голову на диванную подушку. Брат сидел рядом, не отрывая взгляда от книги, но не переворачивал страниц.

Он знал, что она ушла. И, вероятно, знал, зачем.

— Ты долго, — только и сказал он. Без упрека, без вопроса, просто констатация.

Аделин ничего не ответила, быстро прошла мимо семьи, направляясь в свою комнату. Не стала зажигать свет, а почти сразу сбросила платье, оставив его на полу, расплела волосы. После — легла в постель, не чувствуя ни усталости, ни сна.

Но он пришел все равно. И принадлежал не ей.

***

Она идет босиком по холодному каменному полу. На ногах кровь, еще теплая, липкая, оставляет тяжелые следы. В руках — пусто. Но пальцы дрожат, будто только что сжимали что-то тяжелое: орудие или даже саму суть греха.

Позади свет тусклый, как отблеск факела, который должен был погаснуть еще столетия назад. Впереди — одна лишь тьма. Но она идет туда без страха, без ранее преследующего ее ощущения вины.

Стены вокруг сжимаются, словно живые. Камень почти пульсирует, дышит, просто существует рядом с ней и вместе с ней. Где-то рядом оказывается зеркало, и на мгновение она видит свое отражение, но не себя. Губы в крови, глаза чужого цвета. И в них затаилась невероятная власть, сила, которая словно шторм может легко сбить с ног.

За поворотом показалась приоткрытая дверь. За дверью — он.

Высокий, внушительный, как сама ночь. Черты лица выточены искусным скульптором. Глаза — бездна, в которую хочется шагнуть. Руки — медленные, невыносимо медленные, каждое их движение выверено с точностью, словно во время постановки в театре. Взгляд — с застывшей в нем вечностью.

— Ты пришла, — говорит он.

— Ты звал, — отвечает она.

Он протягивает руку. Она тянется навстречу. И вдруг — вспышка. Рывок. Сон рассыпается, отпуская ее в реальный мир.

***

Аделин проснулась в темноте.

Сердце бешено колотилось, к горлу подступила тошнота. Пальцы сжали простыню, так сильно, что стало больно.

Все казалось слишком реальным: запах крови, холод гладкого камня, его голос и тени вокруг, словно это был не страшный сон, а что-то большее.

Утро оказалось пасмурным. Свет, пробивавшийся сквозь тяжелые шторы, был блеклым и болезненным. В доме пахло холодным чаем, воском свечей и чем-то застарелым: то ли тоской, то ли тлением.

Аделин спустилась в столовую босиком, с распущенными волосами, в старом сером платье. Она не смотрела на мать, сидевшую в кресле у окна в черном, словно в трауре по самому добродетельному человеку на свете. Женщина совсем не двигалась, только пальцы ее дрожали, сжимая платок, а бегающие по сторонам глаза были пусты, как у выжженной куклы.

— Мы поговорим, — сухо произнес Эдвард, не поднимая головы от чашки.

Аделин молча села напротив. Он поставил чашку на блюдце, чистый звон фарфора резанул по нервам.

— Ты больше не ребенок, Аделин. Тебе двадцать четыре. Ты станешь настоящим позором для семьи, если останешься незамужней.

— Ах вот как, — ее голос был мягким, почти ласковым. — Мы снова говорим о чести семьи. После... всего.

— Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду. Отец выбирал тебе жениха. Он был...

— Слишком стар? Или слишком похож на папеньку, чтобы отказать ему в удовольствии? — выплюнула она, и голос прозвучал холодным, как лезвие.

Эдвард вскочил:

— Прекрати! Ты всегда его ненавидела. Всегда! Я думал, из-за строгости, правил... Но, может, тебе просто удобно, что его нет?

Мать в мгновение ожила и взвизгнула, словно в нее вонзили нож. Шатаясь, поднялась и оттолкнула стул.

— Что ты такое говоришь, Эдвард?!

— Я говорю, — он уже не сдерживался и зашелся в крике, — что она рада! Что это она специально сбросила его с лестницы! Я это чувствую! Я знаю! С самого первого дня.

— Ты что?! Все не так... — в шоке прошептала Аделин.

В комнате повисла гробовая тишина.

А потом мать бросилась к дочери и ударила по лицу — звонко, со всей силы. На лице не было ни скорби, ни сомнений, только кипящая ярость.

— Ты тварь! Ты убила моего мужа! Моего мужа, Аделин! За ним никогда не водилось греха, он был благородным, уважаемым, строгим, но справедливым! Как ты смеешь?!

Аделин не отступила, не заплакала, только посмотрела на мать, будто видела ее впервые.

— Может, ты заслуживаешь того же, что и он, — тихо сказала она и вышла, оставив за собой не тишину, а надрывные всхлипы матери и крики брата.

На улице пахло грозой, хотя небо оставалось тяжелым и серым. Аделин вырвалась за калитку, будто сбежала из клетки, и глубоко вдохнула — сырой, горький, пьянящий воздух. Грудь сдавило. Она зажмурилась, стараясь спастись не от льющихся слез, а от бешеного, тошнотворного чувства, будто земля под ней качнулась.

«Если не сегодня, то когда?»

Она шла по тропинке, утопая в высокой траве, что цеплялась за подол платья, оставляя следы росы и грязи. Босые ноги царапались о камни, но Аделин игнорировала это неудобство. На горизонте за полосой деревьев поднимался силуэт замка — темного, острого, почти нереального. Он казался вырезанным из самой ночи даже днем.

Смерть отца ничего не изменила. Аделин всегда была и осталась чужой в этом доме. Ее сломали и теперь считали запятнанной.

Мать поверила в святость отца. Брат — в вину сестры.

И вдруг ей стало ясно: свобода не приходит с чьей-то смертью. Она приходит, когда сама решаешь и идешь навстречу страху.

Ветер тронул ее волосы, словно невидимая рука.

Когда девушка остановилась у ворот, заросших плющом, замок показался выше, чем в детстве, когда Аделин не боялась играть неподалеку от холодного строения. Он словно смотрел на нее, и становилось понятно, что все это время замок ждал возвращения подруги.

Впервые за долгое время сердце Аделин забилось чаще от живого, горячего волнения.

«Пусть будет так. Пусть я сорвусь. Пусть это меня погубит».

Аделин распахнула ворота и шагнула внутрь.

Тишина во дворе отличалась от обычного уличного спокойствия и была совсем иной: плотной, вязкой, обволакивающей, но не удушающей. Воздух загустел — ни звука пения птиц, ни скрипа, ни шелеста. Только ее шаги и стук сердца нарушали местный покой, создавая ритм приближающегося чего-то невозможного.

Аделин не спешила и не колебалась. Пальцы касались железной ограды, обвитой плющом: от прикосновения к листу кожа не зудела, будто растение знало, кого впускает или заманивает в свои стены.

Каменная дорожка вела к замку, мимо мертвых клумб и фонтанов без воды. Все выглядело заброшенным, но не забытым — словно кто-то за всем этим наблюдает. Как будто все это живое.

Аделин остановилась, когда ворота за спиной закрылись с металлическим лязгом без сквозняка и без ветра, сами по себе.

Мысль сама возникла в голове: ее впустили.

Пальцы задрожали немного от страха и от адреналина, толкающего вперед, раздувающего пожар безрассудства внутри.

Она шла дальше. Внутри замка не горел свет, и все же казалось, что кто-то настоящий тоже смотрит. Не просто видит, а изучает незнакомку. Принимает какое-то решение.

Дверь приоткрылась, будто финальное решение все-таки было принято. Или ее просто ждали заранее.

Аделин улыбнулась безумно, почти дерзко, бросила последний взгляд назад, на предавший ее мир.

«К черту все», — подумала она и вошла.

Тяжелая дверь почти вернулась на свое место, оставив щель как последний шанс на побег. Будто кто-то удерживал тяжелое дерево рукой, чтобы не потревожить тишину слишком громким хлопком.

Внутри пахло камнем, пылью и чем-то острым — как дым редкого благовония, как аромат старых книг, слишком старых, чтобы их еще кто-то читал.

Пол был выложен мозаикой, тускло мерцающей в свете высоких окон. Света хватало, чтобы различать силуэты колонн, лестницы и портретов, но свет этот был холодный, ничего общего не имеющего с солнцем. Один из портретов скользнул взглядом по гостье.

«Или это показалось?» — подумала девушка, стараясь особо не анализировать сложившуюся ситуацию.

Аделин сделала не слишком смелый шаг вперед. Потом второй, уже более уверенный. На лестнице, покрытой ковром цвета темного вина, лежала пыль. Но не так много, чтобы казалось, что здесь никто не ходит. Здесь ходили, просто нечасто.

Она провела рукой по балюстраде — дерево оказалось холодным и почти влажным на ощупь.

— Кто здесь? — спросила Аделин, вслушиваясь в собственный голос.

Эха, как ни странно, не последовало, но по коже поползли мурашки.

Аделин вздрогнула, когда мимо нее пронеслось холодное дуновение, словно выдох. Обернулась — никого. Только дверь, тишина и уверенность, что она здесь не одна.

Но она шагнула дальше, все приближаясь к самому сердцу дома. Не знала, куда идти, но ноги сами несли вперед, будто от ее тела натянулась нить, указывающая правильный маршрут. Внутри росла уверенность, что все это давно решено, что она должна быть здесь.

Где-то в глубине замка что-то щелкнуло, замигал свет свечей.

«Он знает, что ты здесь».

Аделин подняла голову и, наконец, почувствовала его. Не рядом, но в доме — в каждой стене, в каждом стекле, в каждом вдохе, отдающим тяжестью в груди.

Она не знала: боится ли его появления или жаждет этой встречи.

На лестнице скрипнула ступень, и в следующую секунду пространство прорезал голос — низкий, хрипловатый, с той холодной властностью, что цепляется за кожу:

— Юная леди, вам не говорили, что врываться без приглашения — непозволительная вольность?

Аделин резко остановилась. Сердце забилось сильнее, она схватила ртом воздух, словно не могла дышать нормально от раздражающего чувства, будто ее поймали врасплох. Справившись с секундной паникой, Аделин гордо вскинула подбородок, не поворачиваясь сразу к голосу:

— А вам не говорили, что вести разговоры, не показывая лица, — верх невежества?

Наступила тишина. В ней Аделин слышала только собственное дыхание.

Потом он появился.

Он спустился с верхней площадки лестницы, словно возник из самой тени. Высокий, с идеальной, почти болезненной осанкой. На нем был темный костюм с высоким воротником — слегка старомодный, но безупречно сидящий. Волосы, черные, гладко зачесанные назад, подчеркивали аристократическую бледность. Скуластое лицо казалось высеченным из мрамора: острые черты, узкий нос, тонкие губы и взгляд — ледяной, пронзительный до дрожи.

Его худощавое тело не выглядело слабым, скорее, сдержанным, как скрипка: тонкая, но натянутая до предела. Ни одного случайного движения, ни намека на суету — каждый его шаг был точен, выверен веками.

— Вы дерзкая, — произнес он, и уголок его рта слегка приподнялся, словно он был не возмущен, а заинтригован.

— Вы легенда. Я пришла убедиться, что вы вообще существуете, — ответила Аделин, делая шаг вперед.

Он медленно спустился еще на одну ступень, не отрывая от нее холодных глаз. Свет от старинных бра за его спиной играл на скулах, придавая его лицу призрачность.

— Тот, кто приходит сюда… — начал он тихо, но в его шепоте звучала угроза, отчетливая и хрустящая, словно ломаемые кости. — …уже не возвращается обратно.

Прежде чем Аделин успела ответить, за ее спиной с грохотом захлопнулась дверь, которая все это время стояла открытой. Щелчок запоров эхом прокатился по пустому холлу.

Девушка даже не вздрогнула, медленно обернулась и посмотрела на запертую дверь, затем вновь повернулась к нему, сложив руки на груди.

— Вы всегда так встречаете гостей?

— Гостей я не приглашаю, — его голос стал мягче, но опасность не исчезла. — А незваные — редкий сорт безрассудства.

Он остановился на три ступени выше, возвышаясь, но не подавляя, так, чтобы каждое его слово звучало и как вызов, и как приговор.

— Вы пришли ради легенды, мисс Моррис, — в голосе мелькнула тень насмешки. — Осторожнее с желаниями. Иногда они исполняются.

Теперь, стоя напротив друг друга — он, как ночь в человеческом обличье, и она, упрямо застрявшая в своем вызове себе и миру, — в воздухе повисло напряжение. Не страх и не угроза. Что-то другое.

Что-то, отчего хотелось либо бежать, либо сделать еще один шаг вперед.

Вторая глава

— Тот, кто приходит сюда, уже не возвращается обратно, — повторил он снова, словно не столько предупреждал, сколько изрекал древнее пророчество, живущее вне времени.

Голос его был низким, густым, почти осязаемым, и в этом звучании таилась не угроза даже, а нечто более весомое, словно рок судьбы, неотвратимый и хладный. Аделин застыла, словно тело на миг забыло, как двигаться, в то время как по позвоночнику стремительно пробежал холодок — тонкой змейкой, ледяной и решившей больше не таиться в тепле ее тела.

Медленно, почти нехотя, она встретилась со взглядом мужчины, параллельно оценивая его: хозяин замка был высокий, безупречно выпрямленный, исполненный строгости и какого-то неуловимо неземного величия. Его взгляд оставался пристальным и спокойным, но в этой неподвижности сквозила такая глубина, что казалось, он видит не только ее лицо, но и то, что скрыто за ним: сомнения, тени прошлого, мысли, о которых не говорят вслух.

— Вы всегда встречаете незваных гостей лично? — ее голос прозвучал удивительно ровно, с налетом вызова, и все же в груди что-то предательски сжалось, как пружина.

Мужчина не шелохнулся.

— Незваные гости, как правило, не бывают живыми или любопытными, — произнес он и шагнул вперед. Свет скользнул по его скулам, очертив их резкий, почти совершенный профиль. — А вы — и то, и другое, мисс Моррис.

Он знал, кто она такая, как ее зовут. Возможно, знал и куда больше: то, о чем она сама предпочла бы не думать.

— Мисс Моррис, — сказал он, с легкой насмешкой, без тени улыбки, будто произнес ее имя с усталостью пророка, давно знающего суть каждого гостя. — Вы пришли за некими ответами. Но не всякая истина терпит прикосновение любопытства.

Она выпрямилась, расправив плечи, как перед битвой:

— Если вы хотите запугать меня, у вас ничего не выйдет.

Мужчина чуть склонил голову, словно оценивая ее вновь, с иной глубиной:

— Я предупреждаю. Уйти можно сейчас. Потом будет поздно.

Аделин смотрела на него, как завороженная. Было в нем нечто древнее, забвенное, наконец повернувшееся к ней лицом. И девушка не отвела взгляда. В этом ее ответе не было страха, но был ее собственный выбор.

— А если я не уйду?

Он приблизился, медленно, не спеша, как хищник, осознающий превосходство над уже почти пойманной добычей. Между ними осталось всего несколько шагов. Его глаза — цвета грозового неба на излете бури — потемнели, и на миг стали почти черными.

— Тогда не жалуйтесь, если ваши желания исполнятся.

Аделин приподняла подбородок.

— А вы не жалуйтесь, если получите вовсе не то, чего хотели.

Он прищурился, будто читая ее как раскрытую книгу, перелистывая не страницы даже, а, слой за слоем, суть, изучая женщину упрямую, умную, сломанную, но не покоренную.

— Вы смелая, — сказал наконец хозяин замка.

— Нет, — возразила девушка резко. — Я просто больше не подчиняюсь. Никому. Ни тем, кто думает, будто вправе указывать мне, как жить, ни тем, кто привык говорить приказным тоном.

Она не повысила голос, но каждое слово прозвучало остро, как лезвие. Он вновь слегка склонил голову, не то признавая силу удара, не то выражая уважение.

— Вы остаетесь?

— Да, — твердо сказала она и шагнула ближе. — Я пришла не за спасением. Я пришла за истиной. За собой. И я думаю, что тут смогу это найти.

— Иногда, мисс Моррис, в поисках себя люди находят лишь бездну.

— Тогда посмотрим, кто из нас в нее заглянет первым.

Он не ответил. Повернулся — резким, почти внезапным движением. Его плащ скользнул по полу, будто тень, отрывающаяся от стены.

— Интересно. Следуйте за мной.

Аделин бросила последний взгляд на закрытую дверь. Возвращаться было некуда. Да и, быть может, она и не хотела.

Она последовала за ним вглубь замка. Во тьму, из которой, возможно, никто не возвращается.

Коридоры тянулись один за другим, бесконечные и безликие. Повторялись витражные окна, мрачные портреты, гул шагов по холодному камню. Все было таким однообразным, что в какой-то миг ей почудилось: он водит ее по кругу, словно испытывает.

Но лорд Грей не останавливался. Шел, не оборачиваясь, с той уверенностью, которая принадлежит лишь тем, кто знает не только путь, но и цель.

Аделин выпрямилась, ощущая, как между лопаток проступает испарина — не от страха, а от осознания.

«Что ты творишь, Аделин Моррис?»

Сначала — мужской псевдоним. Не для маскировки, нет, а чтобы стать собой, наконец. Чтобы писать не сентиментальные драмы о дамах в лиловых кринолинах, а резкие, язвительные очерки о тщеславии, лицемерии и надменных нравах «благородных» семейств. И продолжать несмотря на угрозы, косые взгляды, шепот за спиной, молчаливое разочарование брата.

А затем то, что нельзя было вспоминать без ледяного гнева: даже образ отца из детства теперь казался чем-то чужеродным. Это был уважаемый обществом человек. Почтенный. Святой. Насильник. Мертвое тело у лестницы на первом этаже.

А теперь она пришла в замок к человеку, чье имя, звучащее в деревенских легендах, мужчина, о котором шептались украдкой, как о дьяволе. Это настоящее безумие, но в безумии Аделин уже не было равных.

Разве был ли в ее жизни хоть один поступок, продиктованный разумом? Покорность, мягкость, покладистость — все это всегда было ей чуждо. Она хотела другого не из желания выделиться, просто она не умела жить иначе. Она частенько удивляла других, теперь же начала удивлять саму себя.

Если бы только не это чувство усталости, доходящей до отвращения. Как будто все прежнее умерло вместе с отцом. И слава богу. Быть может, свобода — это не бежать от чего-то, а идти пугающему навстречу?

Они остановились у одной из дверей. Она ничем не выделялась — такая же, как десятки других. Но, когда Гидеон распахнул ее, Аделин почувствовала, как перехватило дыхание.

Комната была огромна.

Сводчатый потолок терялся в полумраке, будто растворялся в самой архитектуре сумерек. Посреди возвышалась кровать с высоким резным изголовьем — строгая, почти аскетичная, но в этом была величественность, не терпящая суеты. Тяжелые портьеры обрамляли большое окно, сквозь которое пробивался тонкий луч дневного света. В отличие от прочих окон, мрачных, заколоченных, забытых, это — не пряталось от солнца совсем.

На каминной полке чадили свечи, которые оставались зажженными даже днем.

«Здесь день — понятие условное», — подумала девушка.

— Раз уж вы решили стать моей гостьей, — голос Гидеона прозвучал небрежно, но за этой небрежностью скрывалась внимательность, приятная, но опасное, как спрятанный в рукавах одежды нож, — я считаю нужным позаботиться о вашем комфорте.

Он говорил вежливо, но каждое слово звучало как приказ. Не предложение, а конкретные условия сделки, словно уже заключенной между ними.

— Последний раз у меня были гости… — мужчины будто припоминал или только делал вид, что запамятовал, — достаточно давно. Поэтому потребуется немного времени, чтобы все подготовить. Ужин будет подан в восемь. Исключительно для вас. Я, как правило, в это время не ем.

На его губах мелькнула тень усмешки, не добравшись до безразличных глаз.

— Позже вам принесут все необходимое. Одежду. Принадлежности для письма. Иные мелочи, просто скажите, чего желаете.

В груди ее что-то дрогнуло. Та часть, что привыкла сражаться за право на слово, ощутила настороженность. В этой предупредительности таилась насмешка или что-то ближе к иронии. Он говорил с нею, как с почетной узницей.

Но не сама ли она заперла за собой эту дверь?

И все же Аделин кивнула, принимая условия этой игры, соглашаясь с силой нового знакомого и отдаваясь на волю судьбы.

— Какой заботливый хозяин, — произнесла она негромко, с оттенком иронии, но не отрывая взгляда от его глаз. — Полагаю, мне стоит быть признательной?

— Нет, — отозвался Гидеон, едва заметно приподняв бровь. — Пока нет.

Он склонил голову в насмешливом, почти пародийном поклоне и скользнул за дверь, что закрылась за ним с пугающей мягкостью — не щелчком, не скрипом, а так, как захлопывается капкан: бесшумно, неумолимо.

Оставшись одна, Аделин почувствовала, как тишина заполняет комнату, расползается по углам, точно густой, тягучий дым. Это была не та тишина, что бывает ночью перед сном, не мирное умиротворение, обещающее покой и расслабление. Эта тишина была насыщенной, пропитанной временем, словно здесь затаились воспоминания, которым отказали в праве быть забытыми.

Аделин застыла посреди комнаты. Мысли в ее голове звучали глухо, отрывисто, как будто стены — слишком древние, слишком живые — умели их глушить. Или, что страшнее, отвечать шепотом, которого она еще не научилась различать.

Комната казалась чересчур просторной даже не по своим размерам, а по пустоте, по нехватке воздуха, тепла, дыхания. Она медленно подошла к окну, коснулась портьеры и потянула на себя тяжелую ткань. Но не отдернула, замерла, вглядываясь в тонкие струйки света, что пробивались сквозь складки и рассыпались на пылинки, медленно танцующие в солнечном сиянии. Танец был слишком неторопливым, слишком совершенным, словно это не пыль, а чьи-то невидимые пальцы водили в вальсе невидимую память.

И все время не покидало это странное ощущение: кто-то до сих пор наблюдает. Или даже не «кто-то», а «нечто»: без конкретной формы, но с явным присутствием. Слишком древнее, чтобы его можно было назвать. Слишком близкое, чтобы его можно было игнорировать. Но Аделин это почему-то не беспокоило.

Очарование, вот чем объяснялось ее спокойствие. Но очарование здесь не имело ничего общего со сказками и светлой магией. Оно было опасным, гипнотическим — как взгляд змеи, медленно подчиняющей себе жертву. Как соблазн, от которого хочется отказаться, но в последний момент рука сама тянется ближе к вожделенному. Она была очарована, околдована жизнью, которой не жила ни одного дня в прошлом, но могла прожить все грядущие дни будущего.

Аделин села на край кровати. Впервые за долгое, мучительно долгое время она ощутила настоящую тяжесть собственного тела, своих решений, мнимой свободы и одиночества.

Наверное, можно было бы бежать. Уйти, покинуть это место, вернуться в привычную тусклую реальность. Но осознание, пришедшее с пугающей ясностью, было слишком острым, чтобы отвернуться от него: она не хочет назад. Даже если бы могла вернуться.

Что-то успело измениться внутри.

Как будто жизнь Аделин, долго увязала в трясине и вдруг сорвалась с места и теперь неслась вслепую, без тормозов, куда-то в темноту.

Девушка еще не знала: это падение на дно или путь к спасению. Но, странным образом, это уже не имело значения.

Сидеть на месте оказалось труднее, чем она думала. Тишина давила, нависала, подталкивала: двигайся, ищи, смотри в оба.

Аделин поднялась и прошлась вдоль стены, поводила пальцами по вычурному резному барельефу на стене, по изящной спинке кресла у камина. Все здесь было старым, но безупречно ухоженным. Обставлено скромно, как и сказал хозяин, и все же в каждой детали ощущалась добротность, достоинство. Без показной роскоши, но с явной значимостью. Как и он сам.

В углу стоял массивный платяной шкаф с тяжелой дверцей, на которой был выгравирован герб: латинская надпись, витиеватые вензеля, стилизованный грифон, терзающий змею. Что-то в этом образе показалось ей нарушающим равновесие. Как будто было неясно, кто в этой схватке должен победить и должен ли вообще.

Шкаф оказался пустым, и для Аделин это почему-то стало подтверждением того, что ей действительно собирались принести вещи. Но внизу, под нижней полкой, в узкой щели между деревом и стеной, взгляд зацепился за нечто странное — тонкий кожаный ремешок, почти сливающийся с древесиной.

Она наклонилась и вытащила его. Это был не ремень и не подвязка. Закладка для книги?

Нет — браслет. Очень старый, почти рассыпающийся от времени. Но на внутренней стороне все еще угадывались выжженные вручную буквы: «Ut sciam quis eram».

«Чтобы я знал, кем был», — прошептала Аделин.

Девушка провела пальцем по буквам. Почерк был не «машинным», как у клейма, а немного неровным и дерганным — резали и жгли явно вручную. Кто-то сделал это сам для себя же.

А потом забыл здесь? Или спрятал?

Внезапно Аделин охватило странное чувство — не мысль, не догадка, а именно телесное, инстинктивное ощущение — этот предмет не просто старинный. Он — личный, слишком личный, пропитанный чьей-то болью, остающийся символом чьего-то имени, давно потерянного.

В ту же секунду в камине вспыхнул огонь. Без звука, без треска, пламя словно возникло из пустоты, будто кто-то нажал невидимый рычаг, запустивший процесс.

Аделин вздрогнула и крепче сжала в ладони кожаную полоску. Сердце ударилось в груди, сбилось с ритма, дыхание на секунду перехватило.

Дверь оставалась закрыта.

Окно все еще затянуто тяжелой тканью.

Но огонь горел спокойно, сам по себе, без дров и без веской причины освещая пространство комнаты.

И вдруг раздался его голос. Гидеон не говорил вслух, его даже не было рядом, но Аделин слышала его совершенно отчетливо, будто он звучал прямо внутри ее головы:

«Гости у меня бывают редко».

Она спрятала браслет в карман платья. Не из страха быть пойманной за мелким воровством, а из внутренней убежденности: так надо, его нужно сохранить.

Зачем — она еще не знала, но чувствовала, что рано или поздно поймет.

Часов в комнате не было. Аделин не имела ни малейшего представления, сколько времени прошло с тех пор, как она осталась одна.

Огонь отбрасывал на стены длинные, неестественно вытянутые тени. Они будто росли с каждой минутой, стекали в углы, цеплялись за пол и медленно стелились по ковру, как живые.

Аделин снова сидела на краю кровати и старалась не смотреть в сторону шкафа.

Браслет теперь лежал в ящике прикроватной тумбы, но даже спрятанный, он ощущался настоящим, как чье-то молчаливое присутствие, тихое, выжидающее.

Мысли ходили по кругу, то и дело возвращаясь к началу размышлений.

Что она здесь делает?

Зачем пришла?

Что хотела доказать? Кому?

«Если не сегодня, то когда?» — сказала она себе, переступая порог этого дома. Но теперь казалось, что «сегодня» затянулось, как ночь без рассвета.

У нее снова возникло странное отчетливое ощущение: будто даже стены наблюдают за ней в этот самый момент. Комната молчала, но молчание это было не пустым, а насыщенным, как в музее, где за спиной будто всегда кто-то стоит, и ты никогда не знаешь: живой он или каменный. Или же и вовсе чувствуешь взгляд с соседней картины.

Она поднялась и подошла к окну и все-таки раздвинула тяжелые занавески. Снаружи показалась белая, плотная мгла, почти как молочная пенка. Ни солнца, ни луны, ни домов, ни деревьев — словно мир исчез, а замок остался последней точкой на краю земли.

— Черт бы побрал эту готическую живопись, — прошептала Аделин недовольно. Голос прозвучал слишком резко, слишком живо на фоне окружающей мертвенности.

И тут послышался еле слышный звук, едва различимый шорох где-то за дверью или внутри стены. Аделин затаила дыхание.

«Ты все выдумала. Это просто дом. Странный, мрачный — но все же дом», — постаралась успокоить она сама себя. Но сердце билось слишком быстро.

Девушка обняла свои плечи, будто пытаясь сдержать дрожь изнутри — слабую, но упорную.

Это был не совсем страх, точнее, не то, что принято считать страхом. Скорее предчувствие неизвестности. Как будто ночь — не просто ночь. И человек, живущий в этом доме, — не просто человек.

Легкий, почти стеснительный стук в дверь раздался в тот самый миг, когда Аделин всерьез начала думать, не дышат ли стены вокруг. Она вздрогнула и тут же ощутила, как накатывает та самая завораживающая, непрошеная тишина, которую теперь так бесцеремонно прервали.

Аделин открыла дверь.

Гидеон стоял прямо перед ней. Ровно, уверенно, легко, почти не касаясь ногами пола, возвышаясь даже над законом притяжения. На нем был безупречный черный фрак, словно из портняжной мечты. Волосы собраны на затылке темной лентой, а свет из коридора подчер-

кивал скульптурную четкость лица: высокие скулы, прямой, острый нос, полурасслабленные губы и взгляд, от которого хотелось одновременно отступить назад, в безопасность, и подойти ближе, отбросив предрассудки.

В тот миг тревога — острая, давящая, почти парализующая — исчезла. Будто выключили рубильник. Осталась только странная легкость, почти эйфория. Вернулось это магическое очарование. Разум отступил, уступая место тонкой нити притяжения, чуждой логике и управляемой лишь эмоциями.

— Все, что я обещал, доставят в вашу комнату к возвращению, — произнес он мягко, сдержанно. — А пока позвольте сопроводить вас на ужин, мисс Моррис.

Аделин кивнула и без слов позволила себя повести за руку.

Они шли по длинному коридору, потолки которого теперь казались еще выше, чем раньше. В какой-то момент ей показалось, что шаги Гидеона не отдаются эхом, словно он был не человеком в этом доме, а его частью.

Столовая поразила не столько величием убранства, сколько общей атмосферой.

Большой дубовый стол стоял у камина, в котором слышалось легкое потрескивание и над тлеющими дровами вился тонкий дымок. Стены оказались увешаны выцветшими гобеленами, свечи мерцали в тяжелых бронзовых канделябрах, отбрасывая тени, колышущиеся, будто дыхание призраков. Все казалось застывшим и в то же время особенно живым, как если бы само помещение было каким-то существом, дремлющим с полуоткрытыми глазами.

Стол накрыли на двоих, но все блюда — изящно оформленные, как для богатого званого вечера: мясо в густом винном соусе, запеченные фрукты, сыры, соусы, корзина с еще теплым хлебом — были аккуратно сдвинуты к одному месту.

Гидеон сделал легкий приглашающий жест.

— Прошу вас. Все это — для вас. Как я уже говорил, я не ужинаю в это время суток.

Он опустился на стул напротив — не касаясь тарелки или приборов, не делая ни малейшего вида, что собирается присоединиться к трапезе. Только смотрел: спокойно, почти лениво. Но под этой кажущейся невозмутимостью чувствовалось живое внимание, внимательное, пронизывающее.

Аделин не знала, голодна ли, но села на указанное место. И ощутила, как ее окружает нечто невидимое, густое и тягучее, как сумерки перед бурей. Она оказалась в самом центре чего-то важного, хоть и не могла дать этому названия.

Она не прикоснулась к еде, лишь смотрела на предложенные угощения. Будто перед ней лежали не блюда, а алхимические элементы, от которых зависела ее участь.

— Вы не голодны? — осведомился Гидеон все тем же спокойным, вкрадчивым тоном.

— Я… — она запнулась, словно слова ускользали, как пар из кипящего котелка. — Все это слишком неожиданно.

— Это всего лишь ужин, мисс Моррис, — он чуть склонил голову, приподняв бровь. — Или вы опасаетесь, что я пытаюсь вас отравить?

Сказано было без улыбки. Но в его взгляде на миг промелькнул отблеск чего-то. Он не иронизировал, скорее испытывал ее на прочность. Устроил проверку, которую девушка не сразу поняла.

Аделин медленно потянулась за ложкой. Потом за ножом. Ее движения были сдержанны, словно она вскрывала старинную шкатулку, не зная, есть ли в ней ловушка и сработает ли она. Девушка недолго колебалась и, наконец, отрезала крошечный кусок мяса, поднесла его ко рту и удивилась. Вкус оказался нежным, насыщенным, с теплой, пряной глубиной.

— Попробуйте и вино, — заговорил Гидеон. — Виноград из долины Кот-дю-Рон. Хотя должен признаться: мне больше по душе его аромат, чем вкус. Быть может, вам оно покажется более убедительным.

Она кивнула и сделала глоток. Вино обволакивало губы и горло, терпкое, насыщенное, с легкой горечью чего-то древнего. Оно пахло вечерней прохладой, высохшими травами и каменными стенами и полностью соответствовала замку и его хозяину.

И тут Гидеон заговорил вновь:

— В вашей последней заметке о миссис Трелони вы упомянули, что ее собака знает больше, чем ее муж. Мне стало любопытно — вы действительно верите, что у животных есть подобное преимущество? Или это был просто литературный прием?

Аделин чуть не поперхнулась. Медленно оторвала взгляд от бокала, прищурилась и рискнула спросить, отвечая вопросом на вопрос:

— Вы читали мои заметки?

— Разумеется, — ответил он с безмятежной уверенностью, почти как человек, знающий исход игры с самого начала. — Все. Вы пишете под мужским именем, но стиль безошибочно ваш. Я узнал бы его среди сотен других текстов.

Он слегка наклонился вперед, и отблеск свечи скользнул по его щеке.

— Мне всегда было любопытно: каково это — наблюдать за миром, скрывая свое лицо под личиной. Особенно женщине. Особенно — в такое время.

— Это не личина, — резко сказала она. — Это щит. Единственный способ быть услышанной, а не заглушенной.

Гидеон кивнул, не выражая ни одобрения, ни сомнения, словно отмечал тот факт, что ответ прозвучал, не акцентируя внимания на его содержании.

— И все же, — продолжил он тоном, которым обычно ведут неторопливые светские беседы, когда под поверхностью тепла сквозит ледяное равнодушие, — в письме, отправленном вами в редакцию «Вестника Уинтердейла», вы утверждали, что женщина может быть по-настоящему свободной только тогда, когда перестает быть послушной. — Он сделал паузу. — Но что, если свобода требует платы, которую не всякая готова внести?

Аделин замерла. Ложка застыла в ее руке, не достигнув тарелки, куда девушка планировала ее положить.

— Вы странно беседуете, — произнесла она едва слышно. — Будто мы знакомы давно. И я действительно гостья, вернувшаяся к близкому другу, а не чужая, случайно переступившая порог вашего дома.

Гидеон откинулся на спинку кресла, сцепив пальцы в замок на столешнице. Его взгляд был спокойным и в то же время пытливым, будто он искал на ее лице трещины, которых не должно было быть.

— Быть может, все именно так и есть, — сказал он наконец. — Быть может, вы пришли туда, где вас ждали.

Она сделала еще один глоток вина. Его терпкость будто смягчилась, растворяясь в тепле. Еда — изысканная, почти нарочито утонченная — начинала растапливать напряжение в ее теле. Но все же внутри оставалось чувство, будто она оказалась в капкане: слишком роскошном, чтобы сразу распознать его форму, слишком тонком, чтобы заметить, как он захлопнулся. Ловушка, которая пока не причиняла вреда, лишь фиксировала зверька на одном месте.

Гидеон продолжал говорить. Его голос был ровным, обволакивающим, как старинный шелк, натянутый между ними, скрывая острые грани настоящего разговора.

— Вы умеете наблюдать, — сказал он. — Вы замечаете детали, ловите интонации, разбираете поступки. Это сродни охоте. — Он снова выдержал паузу, словно раздумывая над каждым озвученным выводом. — Хотя вы не кажетесь мне охотницей.

— А кем же тогда?

Мужчина задумался — на долю секунды, но этого хватило, чтобы в уголках его губ мелькнуло нечто похожее на улыбку. Легкую, безрадостную. Почти призрачную, но все же — улыбку.

— Слишком искренней, чтобы быть хищницей. Слишком разумной, чтобы быть жертвой.

Аделин медленно отложила приборы, касаясь края тарелки пальцами, будто нащупывала холодную грань между безопасностью и угрозой.

— А вы? — спросила она. — Кем вы себя считаете?

Он поднял бокал, не притронувшись к вину. Только смотрел сквозь рубиновую толщу жидкости, в которой отражались колеблющиеся огни свечей.

— Человеком, который давно перестал задавать себе этот вопрос.

Тишина, что повисла между ними, была не просто паузой — она натянулась, как тонкая струна, готовая лопнуть от малейшего движения.

И вдруг, когда Аделин уже решила, что разговор иссяк, Гидеон поднял на нее взгляд. На этот раз в нем не было ни тени мягкости.

— Скажите мне, мисс Моррис, — произнес он четко, почти грубо, — чего вы на самом деле хотите?

Слова ударили, как хлыст. Громче выстрела. Глубже укола.

Аделин вздрогнула.

Он не отвел взгляда. Его глаза — золотисто-темные, как расплавленный янтарь в полумраке, — пронзили ее насквозь. Это не был взгляд мужчины. Это был взгляд хищника, уловившего едва заметное дрожание в своей добыче.

Она приоткрыла рот, намереваясь ответить, и замерла в молчании. Ответ жил внутри — неоформленный, хрупкий, почти страшный. Он был слишком откровенным, чтобы сказать его вслух. Слишком настоящим, чтобы спрятать.

Она не знала, что страшнее: признаться в желаниях ему или себе. Ибо истина, произнесенная вслух, имеет силу проклятия.

Третья глава

Аделин смотрела на него, не мигая, а он терпеливо ждал. И в этой паузе не было ни нетерпения, ни раздражения, лишь тяжесть, сжимающая грудь, как холодный камень, оставшийся от полуразрушенной мраморной статуи. Слова рвались наружу, но все были не те — слишком обманчивые, слишком опасные.

— Я... — начала она и замолкла.

Гидеон кивнул едва заметно, будто именно этого ответа и ждал.

— Тогда мы поговорим, когда вы будете знать, — сказал он ровно и поднялся, отодвинув стул с той безупречной неторопливостью, с какой закрывают книгу перед тем, как погасить свечу. — Чего вы хотите на самом деле.

Мужчина приблизился и протянул руку, не коснувшись ее первым, но ясно обозначив приглашающий жест. Или приказ, замаскированный под вежливость. Аделин встала, не сопротивляясь. Она уже не чувствовала себя гостьей, но и пленницей тоже не ощущала. Она стала кем-то промежуточным, созданием между мирами, сделавшим шаг за черту и еще не осознавшим, что дорога назад — лишь иллюзия.

— Позвольте, я провожу вас, — сказал он.

Они шли по тому же коридору, но потолки снова оказались заметно выше, словно замок рос каждую секунду, воздух — тяжелее, а тени — более зловещими. Каждый шаг отдавался в глубине ее тела, как эхо чего-то забытого. Гидеон молчал, и в этом молчании было не меньше власти, чем в словах.

У двери он остановился.

— Здесь вас будут ждать ваши вещи, — произнес он тихо. — Все, что вы просили. Платья. Бумага. Чернила. Книги. Все, чтобы вам было удобно и чтобы вы могли писать, если пожелаете.

— Великолепный сервис для самоприглашенной гостьи, — бросила Аделин сухо.

На губах Гидеона промелькнула та самая странная, почти призрачная улыбка.

— Вы не пленница, мисс Моррис. Хотя, быть может, не можете уйти, когда пожелаете, — он сделал короткую, напряженную паузу, давая собеседнице осознать сказанное. — И раз уж вы остаетесь, я бы советовал не покидать пределы вашей комнаты. По крайней мере — пока. Есть места в этом замке, где даже я не всегда чувствую себя полноправным хозяином.

Он открыл дверь. Внутри все было так, как она оставила: тщательно прибрано, почти не тронуто, но с новыми деталями — как будто за ее спиной кто-то тихо обустраивал ее собственное жилище и дополнял комнату ее присутствием. На туалетном столике теперь громоздились свернутые листы бумаги, стояла чернильница с плотно закрытой крышкой, новое перо. У окна сложили аккуратную стопку платьев, тонких, словно сшитых из шелка и лунного света.

— Спокойной ночи. И ясных мыслей, — произнес Гидеон и незаметно растворился в коридоре, будто был соткан из самого полумрака. Дверь потянулась за ним, закрываясь.

Аделин осталась стоять, прислушиваясь к звону собственной крови в ушах. Страха не было, была только настороженность и что-то иное, едва уловимое. Что-то, чему не должно быть места — непозволительный, почти вызывающий интерес. Как будто к нему — к этому дому, к его хозяину — тянуло нечто древнее, безымянное, родившееся внутри нее еще задолго до встречи.

Гидеон сказал, что она не пленница, хотя все указывало на обратное.

Но впервые за долгое время Аделин не была уверена, хочет ли действительно уйти.

Девушка снова осталась совсем одна.

Комната дышала вместе с ней, но не воздухом, а дыханием самой Аделин. Словно стены улавливали биение ее сердца, вторили ему. Шорохи за окном, потрескивание свечей, собственные шаги — все звучало иначе, а не как в доме, который живет своей, замкнутой, но вполне человеческой жизнью.

Аделин подошла к столу, провела пальцами по краю бумаги. Все было на месте, сложено максимально аккуратно, с уважением к ее уединению. Пожалуй, со слишком внимательным уважением. Как будто ее не просто ждали, а успели изучить и подготовиться к появлению гостьи.

«Вы не пленница».

Но дверь была закрыта. Тени сгущались. Выход не запретили напрямую, но предупредили о его недоступности.

Аделин опустилась на край кровати, изящно закинув ногу на ногу, и оперлась локтем о подлокотник кресла. В полумраке комнаты мягко пульсировал отсвет камина, отбрасывая на стены зыбкие тени, как будто само пространство медленно дышало.

И вдруг — словно глубоко внутри сдвинулся застывший валун — она вспомнила его голос.

«Чего вы хотите на самом деле?»

Она выдохнула, не замечая, как в груди что-то болезненно сжалось.

Чего она хотела?

Чтобы брат, наконец, заткнулся? Чтобы мать перестала смотреть на нее, будто сквозь мутное стекло, словно Аделин — всего лишь призрак, шум в старом доме? Чтобы никто больше не диктовал, за кого ей выходить, как говорить, когда молчать и кому кланяться?

Да, конечно, она хотела всего этого.

Но — и это она чувствовала теперь слишком ясно — этого было недостаточно.

Она поднялась, подошла к окну, раздвинула тяжелые, будто набухшие от пыли и времени портьеры. За стеклом раскинулось беззвездное небо, слепое и глухое. Ветер раскачивал черные кроны деревьев, в которых прятался туман, как вуаль, закрывающая лицо ускользающего мира. В зеркальной поверхности окна дрожало ее отражение, расплывчатое, как сновидение.

Аделин дотронулась до холодного стекла.

Она хотела большего. Хотела мира за гранью приличий и благонравия. Мира, где желания не были преступлением. Где голос звучал, а не гас в осуждающей тишине. Где смелость не каралась, а вознаграждалась. Хотела жить иначе. Глубже. Темнее. По-настоящему.

И, может быть, хотела перестать чувствовать себя сломанной.

Или опасной для привычных устоев некомфортного мира.

Она резко отпрянула от окна, как будто испугавшись самой себя.

«Чем ты готова за это заплатить?» — мелькнуло где-то в глубине мыслей.

Она не знала. И, возможно, это пугало сильнее любого ответа: как будто отсутствие заранее выставленных ограничений говорило о том, что ограничений нет вовсе.

Аделин уснула быстро, почти неправдоподобно. Без снов, без тревожных рывков, без затхлого ужаса ночных пробуждений. Как будто сама комната — с ее неподвижным воздухом, таинственным шепотом огня и затухающей энергией чужого присутствия — впустила ее в какое-то иное, полусонное измерение.

Забвение накрыло ее одеялом, но последующее утро принесло не облегчение, а безмолвие.

Аделин проснулась в странной тишине. Свет, просачивающийся из-за штор, был тусклым, как будто сам день не решался войти. Она села на кровати, прислушалась. Ни шагов. Ни стука в дверь. Ни скрипа половиц.

Время тянулось, вязкое, как патока. Один час. Второй.

Она подошла к двери. Потянула за ручку и ощутила, как замок глухо удерживает ее внутри. Заперта.

Гостья.

Не пленница.

И все же — заперта.

Сначала волной окатило раздражение. Потом начала нарастать липкая тревога. Вскоре девушка почувствовала нечто близкое к истощению, словно все вокруг высасывало физические силы.

Комната была прекрасна, но ее визуальная прелесть начала трескаться, уступая место правде в ее не самой привлекательной форме. Орнаменты на стенах и мебели повторялись, как страшные заклятия. Тени оживали в углах. Пространство сжималось и давило.

Свет за окном менялся: серебро, золото, алый багрянец заходящего солнца. Все происходило беззвучно.

Никто так и не пришел.

Ни еды. Ни вежливого напоминания о правилах дома. Ни голоса. Ничего. Как будто весь дом вымер. Или следил молча и издалека.

Аделин сидела на полу, облокотившись о кровать. Глаза смотрели в одну точку, как будто старались пробить стену между мирами.

Ей стало не по себе. Не страшно, хотя именно страх был бы уместен, но его не было. Было только ощущение странной нереальности, в которой она начинала тонуть.

Словно ее вырезали из времени и поместили в прозрачный кокон. Словно кто-то дал ей шанс на признание вместо побега.

Девушка прикрыла глаза, прижалась лбом к прохладному дереву кроватной спинки. И едва слышно прошептала:

— Что я делаю?

Ночь спустилась незаметно, как черный шелк, что тихо ложится на плечи. И только когда за окном окончательно угас последний отсвет, Аделин осознала, сколько времени прошло. Один день. Лишь часть коротких суток. А ей чудилось, будто она томится здесь вечность.

Девушка вновь подошла к двери, обхватила холодную, как зимняя вода, латунную ручку и дернула. Напрасно. Потрогала замок точно так же, как делала утром. И во второй раз. И в третий. С тем безмолвным упрямством, с каким просят о чуде. Может, ее забыли. По неосторожности. По недосмотру. Может, дверь отворится сама.

Но все было недвижимо и мертво, словно грозя пойманную в клетку девушку тоже сделать мертвой.

Закричать она не смела. Гордость, как верная служанка страха, стискивала горло.

Ведь Аделин сама ступила за порог.

Сама решила остаться.

Сама проигнорировала предупреждение.

Теперь же все вокруг казалось безумием, слишком бесшумным, слишком утонченным, но оттого не менее странным. Ее поместили в изолированную часть замка, зачахшую в оковах забвения и грозящую самой Аделин забвением. Дом не жил, но и не умирал. В нем ничего не происходило. И в этой идеальной неподвижности крылась пугающая угроза, как в шахматной партии, где враг замирает, позволяя тебе сойти с ума в предчувствии следующего хода.

Аделин сидела в кресле. Потом на полу. Потом вновь в кресле.

Ходила взад-вперед, считая шаги.

Прислушивалась к себе. К тишине. К тому, что могло быть за стенами.

Свет свечей жег глаза как соль. Их стало трудно держать открытыми, но сон не приходил.

Она не спала. Не в ту ночь.

Даже не задремала.

Когда тонкие стрелки часов, появившихся в комнате вместе с другими необходимыми для жизни предметами, замерли на трех, она подошла к двери в последний раз. Ткнулась в нее лбом.

— Пожалуйста, — выдохнула едва слышно.

И тут же прикусила губы, словно запоздало раскаялась в своей слабости.

Она снова опустилась на пол, обняв колени, уставилась в темноту.

Как просто, как стремительно можно, оказывается, сойти с ума. Спасительное утро никак не наступало.

Свет не менялся за плотной тканью штор. Свечи не догорали. Время застыло, вязкое, как кровь, липкое, как мед, вечное, как древнее проклятие, запечатанное в стенах этого дома.

Аделин не сразу поняла, что пугает ее больше всего: не сама тьма, но вечность, сокрытая в ней.

Будто ночь отреклась от любого движения.

Будто замок, впустив ее, рассек нити, прежде связывавшие девушку с внешним миром.

Аделин лежала на постели, не двигаясь. Тело ныло, как после долгого бега, глаза жгло от бессонницы, а под сердцем шевелилась серая царапающая душу паника, которой она не позволяла вырваться наружу.

«Может, я умерла? — мелькнуло однажды. — Может, он просто забрал мою душу, и теперь я здесь навеки?»

Это казалось быстрой и справедливой карой за то, что она совершила.

«Вот он, ад, — размышляла Аделин, свернувшись на постели, как дитя, глядя в недвижимую темноту. — Не огонь и не крики. Безмолвие. Бесконечная ночь. Одиночество. Память».

Отец тоже был частью этого ада, не желая отпускать дочь из оков ужаса.

Она резко села, сжав виски ладонями, словно пытаясь удержать мысли внутри.

«Господи. Только бы не думать».

Но он снова был здесь.

В ее голове, в тенях на стенах.

В полутонах, которыми говорил Грей.

В самом дыхании замка, сомкнувшегося вокруг нее, как изощренная клетка, не с грубыми решетками, а с шелком и камнем, с шепотом и темнотой.

«Он был чудовищем, — сказала себе Аделин. — Он получил то, что заслужил. Это не кара. Это… это…»

Но слов не было. Только пустота.

Она лишь хотела одного: чтобы пришло утро.

Но утро не спешило. А ночь, казалось, сгущалась за окнами, тянулась во времени с издевкой, с медленным удовольствием.

Когда Аделин почти смирилась — с замком, с тьмой, с безмолвием — за дверью раздался звук.

Скрип. Тонкий, неторопливый. Почти вкрадчивый.

Девушка замерла.

Сердце содрогнулось от болезненного облегчения, слишком резкого, чтобы быть радостью.

Она поднялась. Подошла к двери босиком, как к краю чего-то неведомого.

И прежде чем коснуться ручки, услышала голос:

— Могу ли я войти?

Он. Его голос. Все такой же ровный, такой же непроницаемый, как поверхность озера под луной.

— Вы заперли меня, — произнесла она холодно, не отворяя.

— Я предоставил вам отдых, — отозвался он с едва уловимой ноткой сожаления. — Но если это показалось жестоким, прошу прощения.

Она распахнула дверь резко, будто наносила удар.

Перед ней стоял Гидеон.

Безукоризненно одетый. Ни одной складки на темном сюртуке. Ледяная безупречность. Его взгляд задержался на ее лице чуть дольше, чем того требовал этикет или банальное приличие.

— Завтрак ждет вас, — сказал он. — Или нечто, что может именоваться завтраком в том времени, которое вы зовете утром.

— Которое не наступает, — с горечью отозвалась она.

— Иногда время упрямо, — ответил он, склоняя голову. — Особенно здесь. Но сегодня оно вновь повинуется порядку. Быть может, благодаря вам.

Он отступил, приглашая ее выйти.

— Желаете, чтобы я составил вам компанию? Или предпочтете одиночество?

Аделин выпрямилась. С его появлением вернулись силы и ее природное упрямство.

— Сегодня я предпочту ответы.

— Тогда, — с легкой полуулыбкой сказал он, — вам следует подкрепиться. Отголоски пережитой ночи редко бывают безвредны на голодный желудок.

Он протянул руку на этот раз не как приговор, а как приглашение равной себе.

Они шли молча. Коридоры тонули в тени, и каждый шаг отдавался в камне глухим эхом: будто стены, ковры, сама память замка впитывали звук, как кровь растворяла в себе вино.

Аделин почти не чувствовала усталости. Но тело дрожало: от напряжения, от злости, от слишком долгого заточения.

И все же в голосе ее не было дрожи, когда они вошли в ту самую роскошную столовую.

Хотя сегодня все выглядело немного проще.

Один кувшин с теплым чаем. Фарфоровые тарелки с фруктами и свежей выпечкой. Серебро — безупречно чистое, будто не знало времени.

И свечи, все те же, все также горящие, словно насмешка над бессилием солнца и времени.

Она села. Он — напротив.

И будто бы не было ни ночи, ни молчания, ни замков на дверях.

— Чего вы хотите? — спросил Гидеон, ровно, почти лениво, как если бы в их беседе не затаилась бездна.

Аделин встретила его взгляд. Долго. Не мигая.

А потом ответила:

— Свободы.

Он не перебил. Лишь слушал, слишком внимательно, чтобы быть просто вежливым.

— Свободы говорить, — сказала она, — и не быть прерванной. Делать и не просить разрешения. Свободы жить по своим законам, а не по тем, что сочинили мужчины: отец, брат… общество. Я не хочу прятать свое имя. Не хочу бояться. Не хочу принадлежать. И уж точно не хочу быть той, кто вечно ждет позволения дышать.

Она замолчала. Сердце билось в груди так, будто за окном началась гроза.

Гидеон откинулся на спинку кресла. Его глаза потемнели. Не от гнева, но от чего-то, что было намного глубже любых человеческих эмоций.

— Большое желание, — произнес он негромко. — И опасное.

— Я знаю, — прошептала девушка.

— Тогда скажите мне, Аделин Моррис… — он чуть склонил голову, как древний судья, — чем вы готовы за него заплатить?

Мужчина не угрожал и не насмехался, просто спрашивал, словно оценивал, стоит ли она своей цены.

Но под его словами таилась иная истина: свобода не образ. Она требует платы. И, быть может, не единожды.

Аделин колебалась.

Тишина между ними натянулась, как струна. И казалось, стоит сказать хоть слово — она лопнет.

Но девушка все же сказала:

— Всем.

Голос сорвался. Хрипловатый, почти мужской, если бы не дрожь в конце, такая живая, такая смертная.

— Я готова отдать все, — увереннее повторила она. — Потому что у меня больше ничего нет. Ни дома. Ни будущего. Ни веры в то, что завтра не будет отражением вчера.

Гидеон не двинулся, но в его взгляде мелькнул огонь. Промелькнул — и тут же исчез.

— Ложь, — сказал он. Холодно, медленно. — У вас есть гордость. Есть жизнь. Есть душа.

— А вы ее хотите? — бросила Аделин с вызовом.

— Я хочу знать цену. Прежде чем назвать свою.

Он поднялся, медленно обошел стол, остановился рядом. Тень от его фигуры падала на ее кожу и ощущалась почти как лучи солнца. Только это было, скорее, свечение луны.

— Я могу даровать тебе свободу, Аделин, — сказал он тихо. — Не ее подобие. Саму ее суть.

Она подняла голову. Мужчина смотрел на нее свысока, и в этом взгляде не было ни жалости, ни сострадания. Только нечто древнее, пока еще таящееся в глубине взгляда.

Нечто, что не имело ни начала, ни конца.

— Я могу вырвать тебя из времени, — продолжил Гидеон, — из памяти, из страха и всех условностей, что держат тебя на коленях. Ты станешь той, кто не склоняется больше ни перед чьими законами, кроме собственных.

Он наклонился ближе. Его голос стал тише, обволакивающим, почти ласковым, как яд, скрытый в сладком вине, ласкающем губы.

— Но ты перестанешь быть собой.

Аделин не сразу поняла. Только смотрела: настороженно и выжидающе.

— Ты станешь кем-то иным.

— Монстром? — прошептала она.

— Возможно, — он чуть улыбнулся. — Или просто женщиной, свободной в мире, где за свободу не платят монетой.

Она резко встала, стул заскрипел, словно не желая отпускать ее тело.

— А если я готова? Даже зная это?

Гидеон смотрел на нее долго. Словно не слова ее слышал, а нечто спрятанное, неуловимое для уха человека: движение крови, шелест тени будущего, шепот пережитого прошлого.

— Тогда ты должна увидеть, что скрывается за этой свободой. И кем нужно стать, чтобы владеть ею по праву.

— Покажи, — нетерпеливо бросила девушка.

— Я покажу.

Гидеон протянул руку. В этом движении не было ни власти, ни нажима, только странная простота, как если бы выбор был не угрозой, а откровением.

Аделин вложила ладонь в его, и свет в зале дрогнул. Словно еще спокойный воздух перед бурей сделал последний вдох.

Он шел молча, не торопясь, не ведя ее за собой, и все же Аделин знала: он ведет. Все-таки не пленницу и не гостью, а ту, что уже выбрала смерть вместо жизни, даже если еще не сказала вслух.

Они миновали ее прежнюю комнату, и Аделин не узнала ее. Коридор был бесконечен, как сон, и все двери — одинаковы. Каждая могла оказаться ловушкой или убежищем.

Они остановились перед очередной дверью из массивного темного дерева с коваными узорами, ожившими в полумраке. На поверхности виднелись еле заметные шрамы времени.

Гидеон распахнул ее легко, как если бы дерево само подчинялось его воле.

Аделин застыла на пороге.

Комната оказалась пугающе прекрасна.

Потолок с облупившейся лепниной и копотью веков выглядел роскошно, несмотря ни на что. Портьеры дополняли пространство цвета выдержанного вина. Тяжелая резная мебель, кресла, столик у камина — все смотрелось гармонично и продуманно.

И кровать: слишком большая, слишком старинная, слишком сказочная и, явно, очень мягкая, чтобы быть реальной.

От идеально расправленных покрывал веяло запретом и обещанием.

Гидеон не смотрел на свою спутницу, но чувствовал ее колебание, сам воздух дрогнул между ними.

— Здесь ты останешься, — произнес он, — если примешь мое предложение.

— Почему не в моей комнате?

— Потому что эта станет твоей. С той самой минуты, когда ты выберешь ее, когда станешь достойна всего, что сможешь взять сама.

Он повернулся. Полумрак скрывал черты, но взгляд его пылал сквозь тень.

— Я не стану уговаривать. Ты можешь отказаться. Даже, возможно, я позволю уйти и остаться той, кем была.

— А если я больше не хочу оставаться собой? — прошептала девушка.

Он приблизился к ней плавно, бесшумно, как наступившая после короткого зимнего дня ночь.

— Тогда тебе следует понять, во что превращается желание, когда оно становится судьбой.

— А если я передумаю?

Он осторожно взял ее за руку, пытаясь ощутить поток крови.

— На время останешься со мной. Пока я не поверю, что ты говоришь правду, — его голос был почти невыносимо близок. Губы коснулись воздуха у ее уха, не касаясь кожи, и все же Аделин почувствовала это прикосновение. — А мне трудно верить кому-то.

Она стояла, сжав пальцы в кулаки. Сердце било тревогу, ударялось о ребра глухо и тяжело. Похоже, оно уже знало: сейчас все изменится.

Именно здесь. В этой комнате, где запах старого дерева смешивался с шелком портьер и вечной прохладой камня, живущей в стенах.

Гидеон закрыл за ними дверь.

— Разденься, — сказал он слишком тихо, даже без легчайшего нажима. Но в этом звучало не предложение, а приговор, суровый и неотменяемый.

Аделин не двинулась.

— Что? — голос ее сорвался, хрипло, едва слышно.

Он подошел ближе. Не касаясь, не угрожая, и все же каждое его слово отзывалось в ее теле прикосновением холодной ладони к разогретой коже.

— Ты хочешь большего, — напомнил он. — Ты сказала это сама.

— Я не… — она начала и тут же осеклась.

Она знала, чего он хочет, и одновременно терялась в догадках. Сердцем понимала и принимала, разумом отказывалась верить.

— Это часть сделки?

Он склонил голову, разглядывая ее с тем вниманием, с каким ученые препарируют истину. Лицо его оставалось бесстрастным, но в глазах сгущалась тьма. Они стали омутом, затягивающем все живое.

— Это — начало.

Она сделала шаг назад — и уперлась в дверь. Холод дерева ударил в лопатки, как предостережение: возврата не будет.

— Я не думала, что плата будет такой…

— Какой? — он шагнул ближе. — Простой? Жестокой? Или справедливой?

— Вы… вы сказали, что не будете…

— Я не буду, — перебил он. Голос его остался тихим, но под ним звучала жесткая нота, как треск сухой ветви. — Я не твой отец, Аделин. Я не возьму.

— Тогда зачем?

Он остановился теперь совсем рядом: их разделяли лишь дюймы, и воздух между ними дрожал.

— Потому что, если ты жаждешь власти, свободы, подлинной жизни — ты должна быть готова отдать все. Без остатка. Без щитов. Без одежды. Без страха. Я не возьму, потому что ты отдашь это сама.

— Это…

— Это ритуал. Не постель. Не разврат. Пока. Это — переход. Доверие ко мне. Твоя жертва. Ты хочешь ступить в иной мир, но он не примет тебя в лохмотьях прошлого.

Аделин сглотнула. Повернула голову, будто ища выход. Но взгляд сам вернулся к мужчине, как тень возвращается к телу.

— Я не уверена, что смогу…

— Тогда ты не готова, — отозвался Гидеон. Повернулся к окну, как будто отпустил ее.

Но голос его остался висеть в комнате напоминанием. — Если решишься, я буду ждать. Ты одна знаешь, когда все начнется.

Он стоял у окна, молча, будто забыл о ней. Или — как в древней легенде — дал выбор, от которого нельзя убежать, не потеряв себя.

И вдруг в Аделин вспыхнуло нечто странное. Страх и ясность. Осознание, что если она уйдет, то вернется туда, где ее уже продали, предали, использовали.

А здесь впервые выбор дали именно ей.

— Подождите, — сказала девушка. Голос прозвучал неуверенно, но в нем было то, что заинтересовало Гидеона.

Аделин сделала вдох. Пальцы дрожали как в лихорадке. Сердце грохотало с каждой секундой громче. Она коснулась пуговиц на вороте платья.

— Я… согласна, — произнесла девушка, не поднимая глаз, будто избегая взгляда, который мог бы сделать момент невыносимо реальным. — Если я действительно значу хоть что-то для этого мира, если могу его изменить, то пусть все начнется сейчас. Даже если за это придется заплатить всем.

Она обращалась к Гидеону, но даже в больше степени говорила сама себе. Слова были якорем в зыбком море сомнений. Без них она бы уже развернулась, отступила в темноту, вернулась бы обратно, туда, где боль была привычна, а одиночество становилось укрытием.

Гидеон не двинулся сразу. Он приблизился медленно, с безмолвной решимостью хищника, который уже знает: жертва не убежит. Но в его взгляде не было голода, лишь внимание — такое пристальное, что тоже казалось прикосновением.

— До конца? — спросил он, и в голосе прозвучала странная, горькая нежность.

Аделин кивнула, соглашаясь:

— До конца.

Он подошел вплотную. Его пальцы — длинные, прохладные — сомкнулись на ее руке и подняли ее ладонь к губам. Этот поцелуй стал частью их маленького обряда.

Внутри нее что-то дрогнуло, девушка потеряла эмоциональное равновесие, будто земля зашевелилась под ногами, и Аделин уже не стояла на той неподвижной почве жизни, к которой привыкла.

Гидеон поднял на нее глаза. В этом взгляде было слишком многое: испытание, принятие, запрет и власть. От него хотелось сбежать и к нему хотелось склониться, как к источнику света в вечной ночи.

— Идем, — сказал он негромко.

Он повел ее за собой, обратно в полумрак, где коридор будто становился местом торжественного шествия, а воздух искрился предвестием перемен. За новой дверью скрывалась комната, почти пустая, как гробница, но в центре вместо гроба возвышалось зеркало.

Оно было огромное — от пола до потолка — в раме цвета запекшейся крови, со следами времени, и чем-то живым, пульсирующим в глубине стекла.

Гидеон остановился и сделал шаг в сторону.

— Вот оно, — произнес он, не глядя на нее. — Вот плата.

Аделин посмотрела на свое отражение, но оно оказалось непривычным. Зыбким, будто глубже, чем толщина стекла. Отражение само дышало, помня что-то такое, чего она давно не вспоминала.

— Что вы имеете в виду?

— Это — то, что ты можешь отдать. Не тело. Не кровь. Не душу. Но то, что привязывает тебя к прошлому. То, что удерживает слабость, страх и сомнения, — он указал на зеркало, — отражение. Ты отдашь свое отражение

Аделин сделала шаг ближе, вглядываясь в мутную поверхность: напротив стояла она, но уже не была собой. Взгляд чуть тяжелее, губы — строже, осанка — горделивая, будто совсем другой женщины.

— Отражение?

— Оно больше, чем ты думаешь, — ответил Гидеон. — Оно помнит все. Оно знает, кем ты была и кем могла бы стать. И если ты отдашь его, ты останешься в этом мире, но навсегда изменишься.

— А оно? Что станет с ним?

— Оно будет заперто здесь, под покровом ночи. Будет своей жизнью, как тень твоей.

— Навсегда?

— До тех пор, пока не умрешь.

Тишина повисла между ними, как пыль, медленно оседающая на стекло. Аделин смотрела на себя и вдруг поняла: отражение не мираж. Оно слышало их разговор и ждало ее решения.

— Это… меньше, чем жизнь, — сказала она наконец. — Но больше, чем я думала.

Гидеон кивнул:

— Такова плата.

Аделин всматривалась в свое отражение, которое, казалось, дрожало не как поверхность воды, а словно грань между двумя мирами, отделяющая ее от чего-то глубинного и затаившего дыхание; словно она стояла на самом краю бездны, и этот край хранил в себе тайну. Внезапно внутри нее поднялось странное и тревожное беспокойство: нечто не сходилось, не укладывалось в привычные рамки. Медленно, почти робко, она перевела взгляд в сторону, туда, где по идее должен был стоять Гидеон.

В отражении за ее спиной было пусто.

Зеркало отражало комнату в деталях: высокие сводчатые потолки, потухший камин и темный полумрак, но не хозяина замка. На той стороне его не было.

Девушка резко обернулась и увидела, что он все также стоит у стены, погруженный в полумрак, неподвижный, словно давно обитавшая в этом доме тень, что теперь внимательно наблюдала за ней.

— Почему… — ее голос срывался, вырываясь тихим выдохом.

Он слегка склонил голову и произнес эти слова мягко, почти ласково, но в каждом звуке ощущалось глубокое знание:

— Это уже ответ на твой вопрос.

Он сделал шаг вперед, но не тот, что мог бы испугать, наоборот, почти сдержанный и уважительный, словно давая ей пространство для отступления или же возможность принять окончательное решение.

— Ты видишь это и все равно остаешься.

Аделин сжала пальцы, дрожа от неопределенности:

— Значит, это не просто игра.

— Нет, — его голос стал еще тише, — все, что я обещаю, истинно, но и цена будет соответствующей.

Он показал рукой в сторону зеркала.

— Последний раз. Ты можешь отказаться, уйти и никогда не возвращаться к этому вопросу, — он замолчал, словно давая словам заполнить комнату от стены до стены.

— Но если останешься, если скажешь «да», с этого самого мгновения все изменится, и ты сама изменишься.

Подойдя к двери, он распахнул ее, приглашая жестом, словно открывал не просто проход, а ворота в новую судьбу.

— Возвращайся в свою прежнюю комнату, — сказал он с особым акцентом на слове «прежнюю», будто уже знал, что прежней она вскоре не будет. — Подумай. Я не тороплю. Не сегодня. Но помни: есть выборы, которые нельзя отменить, и даже если ты еще не до конца осознаешь, чего хочешь, сделать шаг назад уже невозможно.

Он не стал провожать девушку взглядом, но когда Аделин ступила в коридор, ей показалось, что комната, оставленная позади, погрузилась в еще более густой и холодный мрак.

Спальня, куда она вернулась, оказалась теперь другой: полупустой, чужой, лишенной тепла. И она сама ощущала себя чужой в этом пространстве, словно чары, что были наложены, не спали, а лишь становились глубже и крепче, тянули к Гидеону, не давали ей покоя в его отсутствие.

Все вокруг казалось слишком осязаемым, чтобы быть сном, и одновременно слишком безумным, чтобы быть правдой: холод каменного пола, гладкая ткань покрывала, проступающая под пальцами, и собственное отражение, все еще оставшееся там, за зеркалом, будто давно потерянный двойник, с глазами, смотревшими слишком близко, слишком внимательно, слишком честно. Хотело ли оно, чтобы Аделин его отпустила? Или хотела остаться частью ее жизни?

Аделин не стала одеваться, потому что одежда была бы возвращением к прежнему, к той девушке из маленького дома, с матерью, раздражающе рыдающей в углу, и братом, сжимающим кулаки в агрессивной тишине; к той, что пряталась в дневниках, написанных под чужим именем. Сейчас же она стояла на границе, не сделав осознанного выбора, она уже почти переступила черту.

Ее тело казалось не своим, словно кто-то другой медленно двинулся к кровати, скользнул под прохладное одеяло, лег, затаив дыхание. Пульс бился медленно, ровно, странно ритмично, словно вода под тонким льдом. Веки опустились.

Сон пришел почти мгновенно, как будто знал, что его ждут, но не принес ни кошмаров, ни сновидений, лишь ощущение медленного падения, почти полета, без страха и без конца.

И чувство чужого присутствия где-то рядом, не касающегося, но внимательно наблюдающего.

Четвертая глава

Она проснулась в тишине, плотной, как кокон, в который звук забыл дорогу. Вокруг не слышалось ни шороха, ни дыхания, даже собственные вдохи казались далекими и чужими, совсем глухо отражающимися от затвердевшего воздуха. Холод простыней ощущался на коже и под ней, тело все еще не до конца вернулось из глубокого сна или из какого-то другого, более магического небытия.

Глаза открылись с тем молчаливым принятием, с каким открывают двери, зная, что за человек стоит за ними. Аделин просыпалась медленно, но осознанно, и в каждом движении еще расслабленного читалось больше достоинства, чем тревоги.

Он уже стоял в дверях.

Опирался на косяк непринужденно, словно оказался там случайно, остановившись по пути. Но в неподвижности Гидеона ощущалась выверенная, почти инстинктивная точность, та самая древняя сосредоточенность, с которой хищник наблюдает за своей добычей, не делая лишнего движения. Мужчина смотрел на Аделин долго, молча, неотрывно, не с вожделением, но с тем особым вниманием, в котором уже заключалось его право на ее тело. Его взгляд был похож на прикосновение: не откровенное, не навязчивое, но неотвратимое, как тень, ложащаяся на камень, прежде чем тот начнет подчиняться резцу.

Аделин не прикрылась. Она не отодвинулась, не сжалась. Яд, попавший в ее разум однажды, уже давно начал свое дело: парализовал волю, избавил от страха, оставив лишь сосредоточенность, в которой не осталось места протесту. Девушка смотрела в ответ, как существо, узнавшее в Гидеоне не врага, а неизбежность судьбы. И между ними повисло молчание, наполненное предчувствием, как пауза в драме, где каждое слово может стать последним.

Аделин медленно приподнялась на локтях и, нарушив зыбкое равновесие, произнесла, все еще хрипло от сна, но с ясной интонацией:

— Вам удобно? Или вы предпочли бы другой ракурс?

Гидеон не ответил ни улыбкой, ни словом. Его движение было почти невозможным, он сдвинулся с места без звука, как если бы сама тень обрела волю. И в следующее мгновение он уже оказался рядом, на краю кровати, всем телом нависая над ней, прижимая к матрасу. Его рука легла на ее горло, так, чтобы ощутить, как под кожей бьется жизнь.

— Я очень хочу услышать ответ, — проговорил он тихо, без резкости, но в голосе его появилась такая нота, от которой по спине пробежал холод. — Потому что, если ты забыла, я могу напомнить, зачем ты здесь. И что именно может тебя ждать.

Он был совершенно спокоен, и Аделин — тоже. Только сердце внутри ее грудной клетки стучало глухо, сдержанно, словно подтверждая реальность происходящего.

Она не попыталась вырваться. Его хватка не была ни агрессивной, ни безжалостной, скорее ритуальной, как прикосновение жреца, читающего клятву. Аделин смотрела в его глаза: глубокие, темные, лишенные всякого света, но полные немого притяжения. В этот омут она уже шагнула, не упала, споткнувшись, а осознанно окунулась.

— Да… Я согласна. Только напомните, — прошептала она, не отводя взгляда. — Напомните мне, что я отдала.

Он медленно наклонился к ее лицу, и холодное дыхание, подобное ветру, проникающему сквозь каменные стены, скользнуло по ее губам. Он не поцеловал ее, только всматривался в зрачки, в которых уже отражалась та, кем она могла бы стать.

— Ты не отдала ни тело, ни душу. Ты отдала право выбирать, чтобы потом получить его вновь, — произнес Гидеон. — С этого момента я буду выбирать за тебя. До тех пор, пока ты не станешь достаточно сильной, чтобы делать это сама.

Он убрал руку с ее горла, и пальцы его скользнули по ключице, медленно, без давления, почти с нежностью, в которой ощущалась и страсть, и обещание.

— А до тех пор ты принадлежишь мне. Не в страсти. Не в боли. В намерении.

Когда он поднялся с кровати, его движение снова было слишком быстрым, чтобы быть человеческим. Только вспышка тени, оставляющая за собой легкое дрожание воздуха.

— Одевайся. Сегодня ты не будешь одна.

Он ушел, не обернувшись. Аделин осталась лежать, ощущая жар в тех местах, где минуту назад были его пальцы. Она чувствовала, что тело, долгое время бывшее чужим, снова стало частью ее, но уже не в прежнем значении. Оно больше не принадлежало боли, не пряталось от страха, не стыдилось себя. Оно стало чем-то иным. Инструментом? Или, быть может, ключом?

Серебряное зеркало, стоявшее у стены, отражало только ее, и в этом одиноком отражении было нечто тревожное, мертвенное. Ни следа его присутствия. Только она, сидящая на краю кровати, недвижимая, точно статуя, вылепленная из пробужденной воли.

Она встала, когда звуки шагов за дверью окончательно стихли. Руки дрожали от избытка чувства, для которого пока не существовало названия. Волнение, ожидание, предвкушение?

Одежда уже ждала у окна: темно-синее платье, плотное, пышное, с длинными рукавами и тугим корсетом. Ни кружева, ни жемчуга, ни одного жеста кокетства. Оно напоминало не наряд, а форму.

Одевшись, Аделин подошла к двери. Та оказалась открыта, за ней — тусклый свет камина, остывающий воздух, пустота длинного коридора. Но едва она вышла, как снова увидела его, Гидеона, возникшего впереди так же внезапно, как исчезнувшего.

Сегодня он был облачен в черное. Никакой пышности, ни одного лишнего штриха — высокий ворот скрывал шею, перчатки плотно облегали пальцы, волосы были собраны в тугой низкий узел. На его лице не осталось и следа от вчерашнего откровения, в этой холодной отрешенности ощущалась тонкая, едва уловимая жестокость.

— Ты готова? — спросил он, не приближаясь.

— К чему?

— К себе. К тому, что последует, когда ты перестанешь убегать от собственной природы.

Она не ответила, лишь коротко кивнула. Гидеон пригласил ее жестом, и она последовала за ним, чувствуя, как меняется не только направление, но и сам воздух вокруг. Сегодня путь оказался иным: они поднимались все выше, мимо этажей, пропитанных неподвижным мраком, мимо глухо запертых дверей, из-за которых не доносилось ни звука, ни шороха — лишь неясное ощущение чьего-то пристального, затаенного присутствия, словно стены дышали наблюдением.

Наконец, они остановились перед массивной дверью. Гладкая сталь, лишенная замков, была покрыта резьбой, которую пальцы, коснувшись, распознали скорее как клеймо или проклятие. Гидеон без усилия толкнул створку, и Аделин вошла внутрь.

Перед ней открылся зал, высокий, круглый, с витражами вместо окон и резным куполом, напоминающим своды храма. Но это не было место молитвы. Здесь витала другая сила, суровая и немилосердная. В центре возвышался каменный предмет: огромный алтарь, напоминающий одновременно то ли большой стол, то ли слишком роскошный трон — черный, как сама вина.

— Здесь ты узнаешь, что значит быть собой, — произнес он. — Или сгоришь.

Она сделала шаг вперед, чувствуя, как вся ее суть дрожит от предчувствия, настойчивого, тяжелого, как накануне обряда.

— С чего все начнется? — спросила она, почти шепотом.

Он приблизился. Их лбы оказались почти рядом.

— С одного вопроса, — произнес он. — Готова ли ты отказаться от того, что делает тебя слабой?

Она не отвела взгляда. Сердце билось стремительно, но лицо оставалось спокойным, даже упрямо горделивым.

— Слабость — понятие относительное, — сказала она.

Гидеон чуть склонил голову, будто отмечая ее ответ. Затем вновь заговорил, и его голос отозвался эхом под каменным сводом:

— Когда-нибудь ты вернешься сюда. Не потому, что я призову тебя, и не по собственной воле, а потому, что у тебя не останется иного выхода. Потому что больше нечем будет платить.

Он провел ладонью по гладкой, холодной поверхности алтаря.

— Именно здесь завершится наша сделка и начнется нечто иное, — он задержал взгляд на ней дольше обычного, будто хотел сказать больше, но передумал. — Но не сегодня.

Развернувшись, он зашагал прочь, точно зная: час еще не пробил.

Аделин осталась на месте, словно закованная в этот же черный камень. Пол под ногами был чужд, как и воздух зала, вырезанного, казалось, из иного мира. И все же в глубине сознания прозвучало глухое эхо, отголосок того, что однажды она действительно вернется сюда. Возможно, на коленях. Возможно, с кровью на руках. А может, уже и вовсе без рук. И она не могла понять: боится ли она этого момента или ждет его.

Когда Гидеон окончательно потерял всякий интерес к комнате и оказался к выходу, девушка еще на мгновение задержалась, не пытаясь за ним поспеть. Взгляд упал на алтарь, и ей показалось, что на черной поверхности выступили багровые пятна, проявились темные разводы, будто что-то сочилось изнутри, впитываясь обратно в камень. Она моргнула, и перед ней снова был только мертвенно-серый, безупречно гладкий мрамор.

Поспешив за мужчиной, она ощутила, как в коридоре стало душно. От гнетущей тишины каждый шаг звучал, как часть обратного отсчета. Ни слова не было произнесено, пока он не распахнул высокие двойные двери и не пропустил ее в просторную столовую.

Все здесь было подготовлено, как и всегда: стол сервирован, свечи зажжены, скатерть безукоризненно выглажена. Словно это представление предназначалось для кого-то третьего, кого не видно. Но кроме них в комнате не было никого.

Она села, он — напротив, как всегда чуть в стороне, создавая иллюзию дистанции, за которой пока не было реальной свободы.

Подняв глаза, Аделин встретила его взгляд. Холодный, как всегда бесстрастный. Но в этот раз в нем плескалось нечто иное, более человеческое, и потому она решилась спросить:

— Кто вы, на самом деле?

Ответ не последовал сразу. Он поставил на стол пустую чашку, которую вертел в руках, рассматривая узор. Действовал он медленно, как будто взвешивая не слова, а саму необходимость их произносить:

— А кто, по-твоему, я?

— Вам нравится эта игра? — ее голос был спокоен, но в нем слышалась осторожная насмешка. — Говорить загадками. Притворяться человеком.

Угол его рта едва заметно дрогнул. Это, конечно, была не улыбка, но будто воспоминание о ней.

— А тебе — нравится притворяться, будто ты не знаешь? — Гидеон слегка подался вперед, опершись локтями на край стола. — Притворяться, будто не чувствуешь. Хотя давно уже все поняла.

Он снова не ответил прямо, снова обратил вопрос против нее самой. Но и не солгал. И Аделин поняла: истина уже здесь, в комнате, между ними. Он не скрывает ее — он ждет, когда она сама ее признает.

— Я слышала, — сказала девушка, не отводя взгляда, — что вы родились более трехсот лет назад. Что ваша жена покончила с собой. Что вы исчезли на века, а теперь вновь бродите по коридорам замка, словно мрачная тень. В деревне вас боятся — люди отворачиваются при

упоминании вашего имени, а кто-то даже клянется, будто видел, как вы пьете кровь животных. И не только животных, — голос ее стал тише, почти шепотом. — Некоторые считают вас демоном. Или вампиром.

Он не шелохнулся. Не удивился и не ответил, но подобие улыбки стало более отчетливым.

— Это вас забавляет? — спросила она, с вызовом в голосе.

— Нет, — произнес он спокойно, почти мягко. — Это печалит. Люди всегда выдумывают сказки о том, чего не понимают. И о тех, кого боятся понять.

— А правда? — Аделин чуть склонила голову. — Она страшнее?

Он откинулся назад, глядя на нее с непонятной смесью сострадания и чего-то более хищного.

— Правда всегда проще. И всегда обходится дороже, — он сделал паузу. — Что ты готова отдать за нее?

Аделин не ответила сразу. В висках стучало сердце, будто где-то рядом — за стеной — кто-то запер его в темной комнате.

— Я уже сказала. Себя.

— Нет, — он покачал головой. — Ты отдала мне только отражение и волю. Но не душу. Не веру. И не страх. — Он встал и подошел ближе. — Когда отдашь все — я открою тебе все.

Он долго смотрел на нее, словно колебался. А затем отступил, как ветер, что вдруг стихает, оставляя после себя только тишину и странную, гнетущую пустоту.

— Сегодня ты свободна, — произнес он. — Насколько это возможно здесь.

Он повел ее прочь из столовой как существо, с которым заключен договор или с которым он только начинается. Но в этот раз он сделал ей действительно роскошный подарок, представив, пожалуй, самую ценную комнату, которая только могла быть в замке.

Библиотека была не просто уютной, а по-настоящему величественной. Полки тянулись к сводчатому потолку, лестницы скользили между рядами, словно тени паутины. На корешках не виднелось ни пылинки — порядок здесь чувствовался не человеческий, а иной, почти живой. Казалось, книги следили друг за другом сами.

— Выбирай, что хочешь, — сказал он. — Думаю, тебе не будет скучно.

Он подошел к окну, отдернул тяжелую штору, впуская тусклый, но живой вечерний свет, отступая при этом от него в тень.

— Дверь больше не заперта. Бежать тебе некуда, ты ведь уже осталась.

И с этими словами он ушел. Впервые оставил ее по-настоящему одну, не в темнице, не в западне, а в том, что можно было бы назвать свободой. Но не той, что отпускает на волю, а той, что удерживает интерес.

Аделин осталась стоять посреди библиотеки, как выброшенная в море без берега, но наслаждалась ощущением прохладной воды. Руки не поднимались к полкам, взгляд скользил по названиям, не находя опоры. Свобода была зыбкой — как и тень, скользнувшая за ним в проеме двери.

Нужно искать. Не читать — искать. Не истории и не утешения. А правду. Суть. Ответ. Кто он? Что с ней происходит? И кем она станет?

Латинский, французский, немецкий: вокруг нее жили времена и народы. Некоторые книги были без названий, с потемневшими от времени страницами, что не дрожали под пальцами, как будто сами оберегались от ветхости. Время будто проходило мимо. С ближайшей полки она взяла первый том.

На корешке — золотое тиснение: «*De Creaturis Nocturnis. О существах ночи*». Она открыла его почти наугад.

«Старейшие из бессмертных заключают сделки, что сродни проклятиям. Они не забирают душу — они подчиняют волю. Не сразу, а по частям. Шаг за шагом. Их дары обманчивы,

желания — двусмысленны. Но страшнее всего не они сами, а то, кем мы становимся рядом с ними».

Аделин медленно провела пальцами по строчкам, буквы словно были выжжены в бумаге. Она взяла еще один том, затем другой. Складировала их рядом, словно строила башню из чужих голосов. Искала имя, след, догадку.

Кто-то уже наверняка пытался его понять. Кто-то, возможно, исчез, но мысли его уцелели.

Книги росли в аккуратную, но неукротимую стопку. Она листала страницы с нарастающей поспешностью, будто боялась забыть, зачем ищет. Ей не нужна была легенда, не хотелось узнавать древнее имя, она прежде всего хотела понять себя.

Кем она станет рядом с ним?

Что он уже начал делать с ней?

И если она действительно изменится, останется ли от нее хоть что-то, кроме внешней оболочки?

Слова теряли смысл, сливались в символы, потом снова собирались в нечто правильное. Одни говорили о власти, другие — о цене свободы. Кто-то писал об утрате, об искушении, об обмене. Но то, что действительно задело ее, было между строк — в попытке кого-то другого выстроить свое *после*.

В какой-то момент она поняла: она уже не читает, а вглядывается в отражение в этих чужих мыслях. Будто книги были дверьми, ведущими в чужие судьбы. И одна из них, возможно, принадлежала ей.

Она откинулась на спинку кресла, медленно вдохнула.

Карта будущего не была нарисована. Но, перелистывая страницы, она чертила ее сама. Без легенд. Без пророчеств. Без права на ошибку.

Усталость накрыла ее — не только тело, но разум, сердце, саму суть ее новой, зыбкой реальности. Она собрала несколько книг — не те, что сулили разгадку, а те, в которых отозвалось что-то свое. Чужой опыт, но с ее дыханием.

Уже привычная встретила ее той же тишиной — застывшей, внимающей. Время здесь не просто текло медленно — оно замирало в ожидании.

Она медленно отложила книги. Сняла платье, затем белье, оставшись полностью обнаженной, и подошла к зеркалу, не к тому алтарному, а к небольшому, случайному, скромно стоящему в углу. Зеркалу, в котором отражалась только она.

Аделин долго смотрела на свое тело: не как на женщину, а как на материал в руках скульптура. Как на нечто, в чем уже начался процесс, который она не понимала до конца.

Что он увидел в ней? Что пожелал забрать?

Не плоть — он мог бы взять ее без сделки. Не душу — он не тянул, не ломал. Он подталкивал.

Так чего тогда он ждал?

Покорности?

Преданности?

Способности видеть тьму и идти в нее?

А чего хотела она рядом с ним?

Она коснулась шеи — никакого следа, ни укуса, ни метки, только холодная кожа. Только тело, которое все еще принадлежало ей.

Она провела ладонями по животу, по ребрам, по груди — не из тщеславия и не от стыда, но в поиске ответа. Что это: уязвимость или власть?

Сколько раз ее тело становилось предметом обсуждений — оцениваемым, критикуемым, обещанным как приданое? Сколько раз на него смотрели, не спрашивая, что оно значит для нее самой?

Гладкая кожа. Резкие линии ключиц. Синие вены на запястьях, чуть проступающие под кожей. Женское тело — это так много: плата, валюта, дар, проклятие. Товар на торге между мужчинами. Или — если верить древним историям — источник силы: первозданной, дикой, той, перед которой мужчины теряют лицо, власть, душу.

Аделин прищурилась.

Если он видел в ней вещь, почему дал ей выбирать? Почему распахнул дверь, а не захлопнул клетку? Если хотел сломить — зачем позволил думать?

Нет, он не брал. Он ждал. Возможно, заманивал. Но ждал добровольного ответа. И тогда вопрос менялся: не «чего он хочет», а «что она готова предложить».

Если эта плоть, эта форма — ее ключ к новому порядку, к собственной игре, к ее же силе… Неужели все это время она не знала, что быть женщиной — значит не только терпеть?

В комнате стояла тишина. Воздух казался густым, почти зримым. Аделин дышала глубже, будто мысли растворялись в каждом вдохе. Она стояла перед зеркалом, обнаженная, освещенная боковым, мягким светом, в котором тени на ее теле казались продолжением внутренней жизни. Она не отводила взгляда. Впервые — не как дочь, не как чья-то будущая невеста, не как часть фамилии. Только как женщина. Живая, решающая.

Рука медленно поднялась, снова коснулась шеи — того самого места, где он провел ее пальцами. Пульс бился отчетливо, точно. Там, где угроза и желание стали неразделимы. Затем ладонь скользнула ниже, по ключице, по груди. Это было не лаской, но подтверждением существования, права на саму себя, внутренней твердости.

Она уже приняла решение, пусть страшное и необратимое, но собственное. Сделала то, что казалось невозможным, и отец исчез, как и ее слабость. Теперь все складывалось иначе.

Она не отдаст себя вслепую, прежде чем поймет, что получит взамен. Даже если игра идет по чужим правилам, в ней найдется место для ее хода. Пусть не сразу. Пусть не сегодня. Но девочкой, которую можно купить, заткнуть, выдать замуж, она больше не была.

Теперь она выбирает. И если для этого нужно войти в чужую тьму — войдет на своих ногах и с прямой спиной.

Наутро, проснувшись в той же тишине, Аделин осторожно взялась за ручку двери. Та поддалась легко — без усилия, без звука. Замок был открыт, видимо, запирать его больше никто не планировал.

Коридоры встретили ее безупречной, застывшей пустотой. Ни шороха, ни шагов, ни скрипа половиц. Лишь полумрак и уже привычное ощущение, будто за ней наблюдают.

В столовой ждал завтрак. Теплый, ароматный, нетронутый. Гидеона не было. Не было и следов того, кто мог бы подать всю эту еда. Она села и ела молча, чувствуя одиночество, как будто сама пища была частью обряда, которому следовало подчиниться.

Обед прошел так же. Ужин — без звука. Замок жил своей жизнью: дышал, кормил, следил, оставаясь невидимым. Но ощущение не покидало: она здесь не одна.

И день за днем все повторялось. Прошло шесть, семь дней, каждый — отражение предыдущего. Тишина, одинаково сервированные роскошные блюда, неясное напряжение в воздухе.

Иногда ей казалось, что если она назовет его имя — он появится. А иногда — что он всегда здесь. В стенах. В воздухе. Просто еще не решил проявиться.

Она ждала и училась не ждать.

На восьмой день что-то внутри щелкнуло: не страх и не каприз, даже не одиночество. Скорее нетерпение, голод по ответам и по нему.

Она вышла из комнаты неуверенно, но с каждым шагом становилась тверже. Коридоры были те же — пустые, выжидающие. Она шла, не выбирая, словно позволяла телу вспомнить путь.

Поворот. Лестница. Еще один поворот, и перед ней возникла та самая дверь. Она не помнила ее точно, но узнала сразу.

Сердце колотилось. Она не постучала. Просто открыла.

Комната встретила ее полумраком, тяжелыми тканями, мягким светом лампы в углу. И Гидеоном. Он стоял у окна, повернувшись спиной. Как будто знал, что она придет. Как будто ждал.

— Все же, — тихо произнес он, не оборачиваясь, — я думал, ты придешь раньше.

Он повернулся — спокойный, сосредоточенный, будто их разделяли не дни, короткие минуты. Его глаза сверкнули на фоне темноты.

— Это твоя комната. Та, которую ты выбрала тогда. Она ждала тебя. Как и я.

Он сделал шаг навстречу.

— Долго ты решалась вспомнить о нашей сделке. Но я умею ждать. И теперь все стало на свои места.

Аделин не отступила. Она вслушивалась в слова, в молчание между ними, в тени, что лежали на его лице.

— Тогда покажите мне, что дальше, — сказала она.

Он подошел ближе. Без угрозы. Без прикосновений.

— Дальше — ты сама, — сказал он ровно. — Я дал слово, что не возьму. И сдержу его.

Его взгляд скользнул по ее лицу, будто запоминал: глаза, дрожь губ, напряженные плечи.

— Но это не значит, что ты не можешь отдать. Добровольно. Сознательно. Без просьбы. Без приказа.

Он повернулся к двери. Ее дыхание сбилось — так тихо, так внезапно.

— Все, что ты ищешь, уже здесь. В этой комнате. В тебе.

Он остановился у порога и добавил, не оборачиваясь:

— Я жду не тела. Я жду решения.

Он ушел. Щелчок двери прозвучал не как замок — как ритуал.

Тишина наполнила комнату, и в ней ее дыхание звучало громом.

Теперь — очередь была за ней.

Комната не предлагала роскоши ради роскоши. Только покой. Простор, мягкий свет свечей, аромат лаванды. Все устроено так, будто ее здесь ждали. Знали, что она войдет. Дрогнет. Замрет — и все равно сделает шаг.

Аделин позволила себе редкую роскошь — слабость. Последний вечер, прежде чем нырнуть в бездну, куда звал ее путь.

Сняв тугие туфли и распустив волосы, она подошла к окну. Оно больше не было заколочено, не скрыто тяжелыми шторами, как прежде. Теперь перед ней открывалось небо — холодное, чистое, пронизанное лунным светом. Луна висела над горизонтом зыбким серебром, будто глаз, смотрящий с обратной стороны мира, равнодушный и всевидящий.

Она устроилась у окна, поджав под себя ноги, и впервые за все это время позволила себе ничего не решать. Не думать, не выбирать, не искать ответов. Просто — быть. Само ее существование в эту ночь не требовало оправданий.

Сколько прошло времени, она не знала — час или целая вечность. Но когда, наконец, поднялась и опустилась на кровать, внутри нее что-то изменилось. Теперь над всеми чувствами сильнее всех выделялось ожидание, физическое, как изменившийся запах воздуха перед грозой. И оно показалось удивительно приятным.

Пятая глава

На следующий день все было иначе, хоть на первый взгляд и казалось, будто ничего не изменилось.

Аделин проснулась в роскошной постели, в комнате, которую теперь можно было назвать ее — или, по крайней мере, той, что ей выделили в этом доме теней и тишины. Она знала. Знала с момента, как открыла глаза: решение принято. Не сейчас, не вчера — тогда, в самый первый день. Когда шагнула за порог, когда услышала голос на лестнице, когда не сбежала, хотя могла. Все было предрешено, как будто сама судьба заманила ее в эти мраморные коридоры, медовые отблески свечей и ловушки слов.

Она надела одно из платьев, оставленных для нее — глубокий винный бархат, тугое на талии, распускающееся волнами от бедер. Движения были размеренными, сосредоточенными. Она больше не металась. Сегодня все должно было начаться по-настоящему.

В столовой — все как всегда. Одинокий прибор, горячий чай, еда, которую она почти перестала замечать. Ни шагов, ни голосов. Только ощущение чьего-то взгляда — вечно, издалека.

Аделин села. Посмотрела на нетронутую еду. Коснулась чашки, но пить не стала.

Она вслух, но спокойно, будто обращаясь не к пустоте, а к самому дому, спросила:

— И как я могу тебя найти в этом лабиринте?

Тишина. Ни эха, ни шороха. Только слабое дрожание пламени свечей, словно они знали ответ, но не могли его произнести.

И все же, когда она поднялась из-за стола и шагнула в коридор — один из десятков одинаковых, беспощадно симметричных, — внутри уже не было сомнений.

Он услышал. И скоро откликнется.

Он пришел только вечером.

Когда солнце давно сгорело в чернильной ночи, когда свечи в ее комнате почти догорели, а тишина стала осязаемой, как покрывало — он вошел.

Без стука. Без звука.

Словно тень, принявшая человеческий облик.

Аделин сидела в кресле, босыми ступнями касаясь холодного паркета, укутанная в легкий шелк ночной сорочки. Она не вскрикнула, не удивилась. Только подняла на него взгляд — ровный, спокойный, без страха. Он уже стал частью этого пространства. Этого выбора.

Гидеон смотрел на нее недолго — оценивающе, вдумчиво. Потом протянул руку, не говоря ни слова. Не приказывая, не умоляя — просто *позвал*.

Пальцы — изящные, крепкие, нереально холодные. Как ледяная печать, готовая лечь на ее кожу.

Она встала. Без вопросов. Без медлительности.

Он увел ее из комнаты — ту, что должна была стать ее, ту, в которой она только что почти прижилась. Вел мимо зеркал, гобеленов, темных углов, где прошлое замирало в паутине. Шаги их почти не звучали. Лабиринт молчал, уступая дорогу.

Он открыл дверь и впустил ее в другую комнату. Ту самую.

Свою.

Впервые.

— Раздевайся.

Он сказал это просто. Без тени страсти, без нажима — как приговор или молитву. Как будто слово давно стало ритуалом.

Она стояла на пороге. Всего мгновение — между волей и покорностью, между прошлым и тем, что станет ее сутью.

Ткань соскользнула с плеч — мягко, как дыхание. Шелк шуршал, падая к ногам. Аделин не колебалась. Ни в жесте, ни во взгляде. Она больше не искала подтверждения в его лице. Не ждала поощрения. Это был ее выбор — давно, в самой сути той сделки, о которой они оба знали все, не произнося почти ничего.

Обнаженная, она вошла в комнату.

Темнота в ней была плотной, насыщенной, но не враждебной. Тени здесь не прятались — они смотрели. Мебель — старинная, почти тронная. Ткани — глубокие, тяжелые, приглушенные, будто впитали кровь прежних ночей. И все же — не страх. Восхищение. Завораживающая близость чего-то древнего и недопустимого.

Аделин стояла прямо, не прикрываясь. Она осматривала спальню, будто сама выбирала, где лечь, где править, где умирать. Ни покорная, ни мятежная. Просто *она*. Чужая в этом храме ночи, но уже не лишенная прав.

В этом молчании Гидеон не подошел. Он смотрел — как смотрел с самого начала. Словно ждал, когда она примет не приказ, а *власть*. Не его. Свою.

Аделин стояла в тишине, в полумраке его комнаты, под пристальным взглядом того, кому пообещала нечто большее, чем тело.

Она могла бы ждать — пока он подойдет, пока возьмет. Но это означало бы одно: уступить. Стать вещью, вознаграждением, обрядовой жертвой. А она не была ни одной из них.

Поэтому сделала шаг.

Один — и еще один. Пол, словно гладкое зеркало, не издал ни звука. Она подошла к нему близко. Настолько, что могла чувствовать, как от его холодного тела, вопреки ожиданию, исходит жар — тихий, внутренний, тот, что обжигает, не касаясь.

Ее пальцы коснулись его воротника. Она не дрожала. Не торопилась. Каждое движение — выверенное, словно обряд. Но теперь *ее*обряд.

Аделин расстегивала пуговицы — медленно. Одну за другой, словно разбирала стены, за которыми он прятался. В ее жестах не было покорности. Только решение. Дать. Отдать. Предложить. Но не позволить *взять*— без разрешения.

Она вложила в свои прикосновения не страсть — силу. Не желание — власть. Женскую, древнюю, ту самую, которую веками боялись и называли ведьмовской. Она чувствовала, как напряжение нарастает между ними, но не уступала. Он молчал — и молчание это было тяжелым, одобрением, признанием.

Когда его рубашка упала на пол, она не отступила. Провела пальцами по его груди — осознанно. Не как любовница. Как равная. Как та, кто знает цену телу — и своему, и его.

Она знала: с этого момента все действительно менялось.

И он знал это тоже.

Она не ждала позволения — потому что уже получила его раньше. Или вырвала. Она не была уверена, но теперь это не имело значения.

Ее пальцы скользнули к поясу его брюк.

Они не дрожали. Не искали опоры.

Медленно, почти церемониально, она расстегнула пряжку, потянула ткань вниз. Не спеша. В каждом движении — осознанность, в каждом вдохе — принятие. Не подчинения, не вызова. Только обнаженная ясность намерения.

Когда ткань упала на пол, она задержала взгляд — не с застенчивостью, а с вниманием, которое изучает нечто важное. Откровенное. Его тело было красивым — сильным, выверен-

ным, нечеловечески совершенным, и все же... она не отводила глаз, потому что искала не форму. Она искала ответ: *здесь ли он? весь ли он здесь? или все еще прячется?*

Ее руки коснулись края его белья. Он не пошевелился.

И она стянула и его — с таким же спокойствием, как до этого каждую вещь. Она видела все. И знала — он позволил это не из желания, а из признания. Потому что теперь уже не он вел ее по дороге сделки — она выбрала ее до конца.

Она выпрямилась. Стояла перед ним — обнаженная, сильная, равная. И только теперь позволила себе вдохнуть чуть глубже, будто открыла последнюю дверь, за которой не осталось страха.

— Я отдала, — сказала она тихо, без дрожи. — Теперь ты знаешь, что именно.

Он смотрел на нее долго. Слишком долго. Словно испытывал не только ее, но и самого себя. Его тело было напряженным, но неподвижным. И в этом ожидании не было слабости — только сдерживаемая сила, как у хищника, давшего жертве выбрать шаг к пасти.

Он подошел к ней.

Без слов.

Слов больше не требовалось.

Его ладонь коснулась ее лица — не мягко, нет, с почти ритуальной уверенностью. Как будто в этом жесте он утверждал: *теперь ты моя. Не по праву силы. По праву выбора.*

В следующее мгновение его губы накрыли ее — жестко, глубоко, властно. Это не был поцелуй страсти — это был акт признания, метка, след. Он пил ее дыхание так, как мог бы пить ее кровь — если бы захотел. Но пока он хотел только ее. Тело.

Он схватил ее за талию, поднял легко, будто она ничего не весила — и перенес к кровати. Опустил ее на шелк покрывал, как кладут оружие на алтарь — небрежно, но с уважением к силе. И, не отрывая взгляда, опустился рядом.

Он не спешил. Он двигался как тот, кто знает, что за ним вечность — но что ночь одна. Каждое прикосновение словно вызов. Каждое движение как обещание: она хотела отдать, он знал, как взять.

Его пальцы скользнули по ее телу — по шее, по груди, по животу — и в каждом касании был не огонь, а бездна. Холод и жар вперемешку. Не ласка — власть. Но и не насилие.

Он вошел в нее, когда ее дыхание сбилось, когда ее руки сами потянулись к нему, когда она уже не хотела держать контроль, потому что отдала его сама. Не в слепоте. В ясности.

И в этот момент он впервые прошептал:

— Теперь ты часть меня.

И она почувствовала — это было не про тело.

Процесс был ей знаком. До боли. До скуки. До отвращения. Мужчины раньше всегда брали — как будто в ней не было ничего, кроме пустой оболочки, доступной за право рождения или цену приличия. Она научилась притворяться. Притупляться. Замирать. Это был способ выживать, а не жить.

Но теперь все было иначе.

С самого начала — с того, как он коснулся ее, как вошел — что-то в ней дернулось, будто старый механизм, который снова начали заводить. Ее тело узнало: *это по-другому*. Не больно. Не мерзко. Не как унижение.

Он не торопился. Не рвался к финишу. Он двигался так, как будто все уже принадлежало ему — и потому не нужно было отвоевывать. И в этом спокойствии, в этой уверенности, что все под контролем, было место для нее.

Для ее ощущений.

Тепло. Легкое, сначала почти незаметное, прокатывалось под кожей, стягивало мышцы в неожиданных местах. Его ладони — прохладные, но живые — оставляли после себя следы, как тень на воде. Она чувствовала — не только прикосновения, а то, как он *чувствовал ее* в ответ.

И когда он двигался внутри, медленно, намеренно, тело отзывалось волнами удовольствия. Не ярким всполохом, нет — это было что-то вязкое, глубокое, гипнотическое. Она дышала чаще, но не от страха. Ее пальцы судорожно сжимали простынь, но не от боли. Ее грудь поднималась, трепетала — не от стыда.

Он смотрел на нее в этот момент. Не как мужчина на женщину. Как существо — на равное себе. И этот взгляд будоражил не меньше прикосновений.

Она вдруг поняла, что впервые не хочет, чтобы это *скорее закончилось*. Впервые хочет, чтобы *длилось*.

И это было страшнее любого насилия, которое она знала раньше.

Он двигался быстрее. Глубже. Сильнее. Тело Аделин все еще отзывалось на каждое движение, все еще было полно ощущения — но кульминации не наступило. Не для нее.

Он достиг своего пика — сдержанно, почти бесшумно, как и все, что делал. Она почувствовала, как его тело напряглось, как он замер в ней, на одно дыхание — и отпустил.

И сразу после этого он исчез. Почти как тень, что скользнула по стене и растворилась в воздухе. Он поднялся, оказался на ногах в одно мгновение, не глядя на нее, будто все между ними было просто выполненным ритуалом.

— Оденься, — сказал он спокойно, даже мягко. — И вернись в свою комнату.

Ни осуждения. Ни укоров. Ни превосходства. Только констатация. Как будто все было именно так, как и должно. Как она и согласилась.

Аделин лежала, не шевелясь. Чувствовала пустоту — не в теле, нет. В моменте. В завершении, которое оказалось не освобождением, а отстраненным фактом.

«Вот и все?» — подумала она.

Она не испытывала унижения. И не обиду. Только легкий, странный укол разочарования от того, что это закончилось. Что ее вдруг *отодвинули*— аккуратно, но однозначно.

Она поднялась. Одевалась молча, стараясь не смотреть на него. Он не оборачивался. Он знал, что она уйдет. Он знал, что она поняла.

Это была цена. И это было ее место. Часть сделки.

Когда дверь за ней закрылась, в коридоре было холодно. И пусто.

В комнате было слишком тихо.

Аделин сидела на кровати, не раздеваясь. Тело все еще помнило прикосновения, но в голове царила пустота. Она не хотела спать. Не могла позволить себе роскошь сна — не после этого. Не сейчас, когда все только началось.

Но сон приходил, как будто *кто-то звал ее туда*. Затягивал.

Без сновидений. Без образов. Без мыслей.

Просто — провал.

Ее веки опускались, несмотря на внутреннее сопротивление. Она трясла головой, поднималась, пыталась ходить по комнате, зажигала свечу… Но как только садилась — снова темнота.

Один миг — и ее не было.

Будто *сама комната*хотела этого.

Будто *он*хотел этого.

Она не засыпала — она исчезала. Каждый раз.

Утро пришло, как и прежде — без предупреждения, без света солнца, без звуков жизни. Просто… было.

Как будто оно всегда было здесь.

Повторилась рутина.

Пробуждение в той же комнате, в том же теле, с той же тяжестью за грудиной.

Завтрак уже привычный, поданный безмолвно, с точностью до жеста, до ложки меда, растекающейся по краю тарелки.

Обед в одиночестве, как церемония, смысл которой она все еще не понимала.

Ужин словно венец каждого дня, торжественный и такой же пустой.

Книги, десятки книг. Она прочитывала страницы быстро, но не жадно. Как будто что-то искала: то ли ответ, то ли оправдание.

Замок становился ближе и дальше одновременно. Она изучала его, шаг за шагом запоминая повороты, числа ступеней, замки на дверях, которые теперь не прятали от нее ничего, кроме сути.

Иногда ей казалось, что она уже знает, какая дверь куда ведет, о на следующий день все менялось.

Будто *он*дышал вместе с замком и все здесь жило по его правилам.

Вечер был таким же, как и вчера.

Та же тишина в стенах.

Та же тяжесть воздуха.

Та же пустота зеркал.

Но *она*была уже другой.

Не гостьей. Не пленницей. Не просто любовницей.

Выбор был сделан.

Она решила, что вечер снова для *него*, что теперь ее жизнь — во всяком случае в обозримом будущем — принадлежит *ему*, не как дань, но как курс, который она выбрала.

Аделин встала от стола, не прикоснувшись к десерту, и вышла из столовой. Теперь она помнила путь, ее не путали двери, она знала, *куда*идет и *зачем*.

Тени не сжимались вокруг, они расступались, и замок, казалось, тоже принял ее.

И вот — та дверь. Та самая спальня, где воздух был насыщен его присутствием.

Аделин не постучала, она знала: он ждет.

Прежде чем коснуться ручки, она остановилась.

Вдох. Выдох. Решение.

Пальцы скользнули по пуговицам, по шнуровке, по застежкам.

Слой за слоем — как шелуха срывалась вчерашняя слабость, покорность, сомнения.

Одежда опустилась к ногам без звука, как опавшая корка страха.

Обнаженная, но не уязвимая, она переступила порог.

Как будто иначе войти было нельзя.

Только без лишнего.

Только собой.

Гидеон сидел в кресле, в полутени, с книгой в руках, одетый, собранный, недвижимый, будто вытканный из тишины.

Он не удивился.

Он действительно ждал.

Взгляд был прямой, внимательный, хищный, но книга в его руках осталась открытой. Он не отложил ее, не встал, не заговорил.

Аделин сделала шаг.

Собственная нагота не была вызовом, а ее *правом*.

Правом быть здесь. Правом действовать. Правом отдать, но на *своих*условиях.

— Каждый день, — тихо произнес он, не поднимая головы от книги. — Я думаю, что ты уйдешь.

Страница перевернулась. Медленно, с шелестом, будто для того, чтобы дать ее сердцу отстучать лишний удар.

— Что откажешься. Сломаешься. Заплачешь, убежишь.

Он поднял глаза. Взгляд был не мягким, не жестоким — пронизывающим.

— Но ты возвращаешься. Упрямая. Глупая. Страшно смелая.

Он закрыл книгу и, наконец, отложил ее в сторону.

— Ты удивляешь меня, Аделин.

Ее имя прозвучало не как вызов — как признание.

Он встал, подойдя к ней почти бесшумно. Не касаясь, не прикасаясь.

— Что ты хочешь сегодня? — спросил он. — На что ты готова?

Аделин не ответила. Лишь стояла, обнаженная, в тени его взгляда, позволяя молчанию сказать за нее больше, чем могли бы слова. Это было не подчинение — выбор. Не вызов — готовность. Она передала ему право решать, но в ее молчании не было слабости.

Он застыл на шаг от нее. Словно обдумывал. Словно боролся. Словно что-то в ней все еще нарушало порядок, к которому он привык веками.

Потом коротко, почти отстраненно, произнес:

— На колени.

Не грубо. Не с яростью. Как приказ, который исполняется потому, что это *часть сделки*. Потому что иначе — не будет больше шагов.

И она опустилась. Без колебаний. Без страха.

Аделин опустилась на колени. Без слов, не отводя взгляда. Это движение не было ни унижением, ни слабостью — только подтверждением выбора, который она сделала. Сама.

Гидеон медленно встал с кресла. Книга соскользнула с его колен и с глухим звуком упала на пол, но он не обратил на нее ни малейшего внимания. Его взгляд был прикован к ней.

Он начал раздеваться сам. Без спешки, точно вычерчивал каждое движение с намерением. Сначала снял пиджак, не отрывая от нее взгляда, затем расстегнул жилет и рубашку, словно совершал ритуал, не терпящий суеты. Все происходило без лишнего театра — естественно, но с той силой, которая не нуждается в торопливости.

Она следила за каждым его движением, будто запоминала. Будто в этом медленном раскрытии прятался смысл всей их странной связи. И, быть может, ответ — чего на самом деле он хочет от нее.

Он расстегнул ремень, опустил брюки и сбросил их, следом — белье. Все также неспешно, будто это не просто раздевание, а акт принятия ее взгляда, ее безмолвного согласия. Его тело, сильное и безупречное, не несло в себе ни вызова, ни стыда — только власть, и ее осознанное принятие.

Гидеон подошел ближе. Тишина между ними уплотнилась, натянулась, как шелк под напряженными пальцами. Он не касался ее сразу. Просто стоял рядом, позволяя ей почувствовать — тепло кожи, близость, которая заставляла сердце биться по-особенному.

Его рука медленно опустилась к ее подбородку. Он поднял ее лицо, заставляя посмотреть вверх — в глаза, где таилась глубина, в которой можно было утонуть.

— Ты знаешь, что делаешь? — спросил он тихо. Не угрожающе. Почти с уважением.

Но и с той силой, от которой невозможно отвести взгляд.

Она кивнула, не отводя взгляда, — коротко, почти незаметно. Знак согласия. Знак решимости. Но этого оказалось недостаточно.

Его пальцы скользнули от подбородка к щеке, по шее, не причиняя боли, но напоминая — он ведет. Он направляет.

— Тогда доверься, — сказал он, и в его голосе не было ни капли сомнения.

Он не толкнул ее, не потянул — лишь легким нажимом пальцев, медленным, уверенным движением указал путь. И она подчинилась, не теряя достоинства. Она отдала ему то, чем до этого распоряжалась сама.

Он сделал шаг вперед. Все было предельно точно. Как будто каждый его жест был не страстью, а ритуалом.

И все-таки между ними росло напряжение. Не как пожар — как прилив. Неотвратимый.

Он коснулся ее губ — не поцелуем, пальцами. Провел по нижней, затем по верхней. Задержался. Аделин не отстранилась.

— Все, что ты отдаешь мне сейчас, — произнес он тихо, — останется твоим. Но станет и моим.

Он не задавал вопросов — не требовал слов. Он ждал только действий. И получил их.

Аделин подняла руки, обвивая его за бедра, медленно, как будто изучая. Она двигалась не по памяти, а по наитию. Плавно, уверенно. Не сломленная, не покоренная — действующая. Он замер, позволяя, не вмешиваясь.

Ее губы почтительно коснулись его кожи. Но и не со страхом. Как будто она раскрывала для себя его заново — не как мужчину, а как ответ. Как выбор. Как путь, на который ступила сознательно.

Он выдохнул медленно, почти беззвучно, но она уловила: он тоже подчиняется — только в ином смысле. Он позволил себе потерять контроль. Совсем немного.

Ее прикосновения становились увереннее, движение — точнее. Она изучала его, как читала бы редкую рукопись: внимательно, с благоговейной сосредоточенностью, но без тени

покорности. Ее руки, губы, дыхание — все в ней было выбором. Не предложением, не мольбой — решением.

Гидеон не двигался, лишь смотрел на нее сверху вниз — в молчании, в котором таилось нечто большее, чем просто похоть. Наблюдал, как она раздвигает границы дозволенного. Не с вызовом, а с пониманием своей силы.

Когда он впервые вздрогнул — почти незаметно, как колышется черное стекло от капли дождя, — она почувствовала это всей кожей. Он не отстранился, не прервал ее. Только тихо выдохнул ее имя, словно заклинание.

— Аделин…

В этом имени звучало все: и похвала, и предупреждение, и слабость, и одобрение. Она услышала, поняла — и не остановилась.

Он сжал ее волосы, но не жестко, лишь направляя и не желая потерять темп, ритм, связь. Он позволял, он вел, но и следовал. Все было зыбким балансом. И когда волна наконец достигла его, она ощутила это быстрее, чем он сам — по дыханию, по замиранию тела, по короткому, рваному рывку пальцев.

Он не вскрикнул. Он замер. И только потом отступил — не торопясь, давая ей самой завершить движение, самой выбрать момент, когда отпрянуть.

Она не спросила, не посмотрела вверх сразу — лишь вытерла губы тыльной стороной ладони, и только потом подняла взгляд.

Он стоял, глядя на нее — выпрямленный, обнаженный, почти чужой. Но не холодный.

— И все еще не хочешь отступить? — спросил он. Не издевательски. Почти устало.

Аделин не ответила. Не нужно было слов. Она все уже сказала. И не собиралась брать обратно.

Он смотрел на нее несколько секунд, будто взвешивая. Потом тихо, но повелительно произнес:

— Встань.

Голос не требовал — утверждал. И она поднялась, чувствуя, как в этом движении сгорает остаток тени между ними. Он сделал шаг — не торопясь, но точно, как хищник, нашедший слабое место в броне. Подошел почти вплотную. Его рука легла на ее талию, другая — поднялась к шее.

Он наклонился. Губы скользнули по ее коже у самого основания горла. Не поцелуй — прикосновение. Едва заметное, как дыхание. Но достаточно, чтобы Аделин затаила его вместе со своим.

От его близости у нее по спине пробежала дрожь. Он ничего не сказал, не сделал следующего шага, только держал ее — будто давая время почувствовать. Или проверить, насколько далеко она готова зайти сама.

Аделин не отстранилась. Она не двинулась вовсе. Замерла — не от страха, но от осознания: он мог бы взять, но не взял. Мог бы сломать — но дал ей выбрать. Его уверенность не подавляла, она влекла. А влекомая, она ощущала в себе не меньше власти, чем в нем. В ее тишине было согласие, в ее неподвижности — ожидание. И возможность.

Его руки больше не были осторожными.

Пальцы, сжимавшие ее талию, теперь вцепились крепче, почти болезненно. Он притянул ее ближе, будто хотел стереть границы между телами, между решениями, между «можно» и «будешь». Губы снова коснулись ее шеи, но теперь не мягко — с нажимом, с угрозой. Не оставляя следа, но обещая, что он может. И что все зависит только от его воли.

Он не говорил ни слова, но в каждом его движении чувствовалось, как исчезает пространство для сомнений. Как исчезает мягкость, уступая чему-то древнему, властному и опасному. Его рука скользнула по ее спине, почти сбивая дыхание, вторая — легла на затылок, удерживая, подчиняя.

Аделин стояла, позволяла. Не потому, что не могла иначе — потому, что выбирала не иначе. Она ощущала, как он становится другим. Или, может, просто перестает притворяться. И в этой грубости, в его нарастающей настойчивости, было странное утешение: он больше не скрывал, что хочет ее.

Он развернул ее, разомкнул свои пальцы на ее теле и подтолкнул вперед — без злобы, но без возможности возразить. Все происходило быстро, решительно. Словно он боялся остановиться — и передумать.

Он заставил ее опереться о край кровати — без слов, только движением. Твердо, с безошибочной точностью человека, который привык приказывать, не объясняя.

Аделин едва успела подставить руки, когда он уже оказался позади, слишком близко, чтобы не чувствовать. Его дыхание касалось ее спины, горячее, тяжелое. Пальцы скользнули по коже, теперь без колебаний, требовательно. Он провел ими по линии позвоночника, как будто перечитывал ее тело — не в первый раз, но будто с каждым разом все глубже, все больше проникая внутрь.

Когда он вошел в нее, это был не вопрос. Это был акт власти, жест, в котором не оставалось ни нежности, ни жестокости — только неизбежность. Он двигался в ней резко, глубоко, так, как будто иного способа выразить желание у него не было. Как будто в этом — его язык, его договор, его единственный способ существовать рядом с ней.

Аделин не отстранилась. Не сопротивлялась. Ее тело принимало его, болезненно растянутое, натянутое, но живое. С каждым толчком в ней просыпалось что-то темное — как будто он не просто брал ее, но пробуждал то, что она сама боялась признать: жажду быть частью этого, быть в этом на равных, даже если на вид она подчинялась.

Он держал ее крепко, будто боялся, что она исчезнет, выскользнет, предаст. Его движения становились все грубее, все быстрее — и в этом ритме не было расчета. Только потребность. Только она.

Он зарычал — почти беззвучно, но Аделин почувствовала этот звук кожей, как дрожь в костях. Держал ее крепко, двигался все стремительнее, будто хотел стереть с ее тела каждое прикосновение до него, каждое воспоминание, которое не включало его.

Удар за ударом, движение за движением, она будто стиралась и в то же время собиралась заново. От боли не было и следа — только наполнение. Странное, непривычное чувство, что ее используют и одновременно признают, будто, принимая ее так, он подтверждал ее выбор, ее вес, ее присутствие.

Он кончил резко. Без звука. Только один сильный толчок — и мгновенная неподвижность. Его дыхание сбилось, горячее и хриплое, оседало на ее спине, обжигало между лопаток. Он оставался в ней еще несколько секунд, почти прижавшись телом, словно хотел запомнить этот миг.

А потом вышел — без слов, без взгляда — и отстранился. Сделал шаг назад, не спеша, и сел на край кровати. Его плечи были напряжены, лицо — отрешенным. Ни триумфа, ни сожаления. Только сосредоточенность.

— Ты знала, на что шла, — сказал он, не глядя на нее.

Аделин развернулась медленно. Все еще молчала. Все внутри нее дрожало, но не от страха. Хотя, возможно, и от него тоже — где-то в глубине души она знала, насколько может быть опасен Гидеон.

Шестая глава

Еще одним вечером пришел к ней сам.

Не постучал. Не назвал имени. Просто вошел — как ветер, как холод, как неизбежность.

— Раздевайся, — произнес, не повышая голоса.

В этом слове не было страсти. Только приказ. Только право, которое он, по ее согласию, взял себе.

Аделин встала молча. Медленно потянулась к завязкам на корсете. Движения были точными, выверенными, почти театральными — как будто она не раздевалась, а отыгрывала роль женщины, уверенной в себе. Но внутри уже разрасталась обида — за холод в его голосе, за отсутствие взгляда, за то, что стала чем-то, к чему просто приходят.

Гидеон не дал ей закончить. Сделал один шаг — и сорвал корсет, будто та была всего лишь лентой. Бросил ее на кровать. Не с жестокостью, но с той властностью, которая не оставляет пространства ни для гордости, ни для равенства.

Аделин вскрикнула — не от боли, от унижения. Взгляд ее метнулся к нему, острый, полный укора. Но он не извинился. Не замер. Только смотрел. Сверху вниз. Как на нечто свое. Или как на нечто, от чего не может отказаться, но и не может принять до конца.

— Ты думала, я забуду, что ты сама согласилась? — спросил он спокойно. — Или что я отпущу?

Он снова сделал шаг вперед, и она — не от страха, а от вызова — расправила плечи, все еще лежа перед ним.

— Я помню, — ответила она. — Но ты ведь говорил, что брать не будешь. Только если я сама…

Ее сердце стучало слишком громко, чтобы не слышать.

Он был рядом — холодный, властный, близкий до боли, но не родной.

— Ты думаешь, я сейчас беру? — Он опустился к ней, опираясь рукой о кровать. Его лицо оказалось в опасной близости от ее. — Или ты просто не можешь решить, кто здесь управляет?

Аделин не отвела взгляда. Даже не дрогнула. Она лежала обнаженная, уязвимая, но ни на миг не чувствовала себя побежденной.

— Ты слишком привык к послушанию, — сказала она тихо, как удар лезвия. — Но я не из тех, кто кланяется. Даже если раздевается по приказу.

Гидеон замер.

Молчание растянулось между ними, будто лезвие — туго натянутое, тонкое, опасное. Он смотрел на нее долго, будто впервые.

— Ты отдала себя, — напомнил он, и в голосе его было не торжество, а глухой вызов. — Сама. Не на день. Не на ночь. На всю жизнь.

— Я не отдавалась., — перебила она. — Я предложила цену. А это не одно и то же.

В его взгляде мелькнуло что-то темное. Тонкая трещина. Он всегда был камнем — холодным, цельным. Сейчас этот камень впервые пошел по шву.

Он медленно отпрянул, выпрямился. Дал ей встать. Не помог. Но и не остановил.

— Тогда покажи, чего стоишь, — произнес он. — Или уходи.

Она поднялась. Обнаженная, с покрасневшими от грубого движения плечами. Не прикрылась. Не дрогнула.

— Я останусь, — сказала Аделин. — Но не как твоя кукла. И не как тень.

Он смотрел на нее, как на огонь, который сам зажег и теперь должен был либо укротить, либо сгореть в нем.

И в его взгляде — впервые — промелькнуло не превосходство, а уважение. Не уступка, но признание.

Он не сказал ни слова. Лишь шагнул ближе — и в следующую секунду повалил ее на кровать. Не грубо, но с той же неотвратимостью, с какой волна накрывает берег. И впервые за все это время он поцеловал ее — не в щеку, не в лоб, не в запястье, а в губы. Настоящий поцелуй. Глубокий, тягучий, жадный. Он будто отвоевывал ее дыхание, ломал молчание, разрывал границу, которую сам же выстраивал так долго.

Аделин не сопротивлялась.

Наоборот — ее тело отозвалось, словно только и ждало этого. Она ощущала его вес, его силу, власть, с которой он держал ее запястья, и впервые в этом не было страха. Только дрожь — от желания и осознания, что она выбрала это сама.

Она смотрела ему в глаза. И там был огонь — не ярость, не холод, а сосредоточенное, болезненное желание. Он хотел ее. И в этом желании не было игры. Лишь потребность, которую он больше не мог сдерживать.

Когда он вошел в нее, она зажмурилась — от острого ощущения близости, от переполненного тела. Не было боли. Не было стыда. Только отклик — ее дыхание, его движения, их общее пламя. Он не сдерживал себя. Не просил разрешения. Но и не отнимал права быть собой.

Она отдавала себя не из страха — из выбора. Из влечения. Из того неумолимого чувства, которое стало ее приговором еще в первую ночь.

Он двигался внутри нее уверенно, без спешки, но и без нежности, за которую не было необходимости прятаться. Его ритм был размеренным, как дыхание чего-то древнего и неизбежного, как зов, которому нельзя противиться. Он не сдерживал силу — и в этом было все: власть, страсть, ярость желания.

Аделин чувствовала его вес, давление его рук на своих бедрах, жар его тела, и в этой тяжести не было ни тени боли. Лишь отклик. Она впитывала каждое движение, словно тело само знало, как его принять. Как стать не пленницей, а частью силы, что на нее обрушилась. Не отдать себя — разделить себя.

Он держал ее крепко, склоняясь ближе, и когда его губы снова коснулись ее шеи, она выгнулась навстречу. В этот момент он прикусил кожу — не до крови, но ровно настолько, чтобы дыхание сорвалось с ее губ.

Она не просила быть нежным. И он не стал. Но в его жестах не было жестокости. Было что-то большее — как будто, наконец, он позволял себе почувствовать ее полностью. Не просто владеть, не просто брать, а позволить себе быть с ней в этот момент — без страха, без обмана, без маски бессмертного.

Он снова ускорился — сильнее, глубже. И когда она прошептала его имя, едва слышно, он закрыл глаза и прошептал в ответ:

— Аделин...

В этом слове было не желание. Не власть. Принадлежность.

И она почувствовала, как в нем что-то рушится. Что-то, что держалось веками.

Он пришел к пику первым. Опять. Резко. С толчком, от которого она выдохнула, как будто ее сжали изнутри. Он замер в ней, дыхание рвалось, губы прижались к ее ключице — почти беззвучно.

Но в этот раз он не ушел сразу. Остался. Тело его все еще касалось ее, тяжелое, теплое, родное — и что-то в этой тишине впервые стало по-настоящему общим.

После вспышки — тишина.

Она лежала, полуобняв простыню, кожа еще хранила следы его рук, его дыхания, его тяжести. Ни боли, ни страха — только странное, почти чужое ощущение впервые пережитой близости, настоящей, физической и в то же время почти душевной.

Он не двигался. Сидел на краю кровати, словно не знал, что делать дальше, хотя, казалось, знал все в этом мире. Спина напряженная, плечи тяжелые. Тишина между ними была густой, не звенящей — теплой.

Аделин смотрела на него из полумрака, прикрывшись лишь складками ткани, и не произнесла ни слова. Не хотела спугнуть это молчаливое присутствие. Впервые он не ушел. И не выгнал ее. Он не мог — она была в своей комнате.

Он повернулся — не сразу, медленно, как человек, решившийся на шаг. Его взгляд встретился с ее, и в нем не было ни привычной холодности, ни притворной отрешенности. Только... усталость. И что-то, похожее на смирение.

— Здесь слишком тихо, — сказал он негромко. — Ты тоже это слышишь?

— Я слышу, — откликнулась она. — Но впервые — это не пугает.

Он лег рядом, не касаясь, но и не отдаляясь. Пространство между ними больше не казалось пропастью.

— Ты ждала, что я уйду, — произнес он после паузы. — Как всегда.

— Я ждала, что ты захочешь уйти. Но надеялась, что не станешь.

Он не ответил. Только закрыл глаза. И остался.

Она не могла уснуть.

Он лежал рядом, глаза закрыты, дыхание ровное — почти слишком ровное, будто учился дышать для вида.

— Тебя действительно зовут Гидеон? — спросила она негромко, нарушая тишину между ними впервые без страха.

Он открыл глаза, медленно повернул голову к ней. Взгляд был темным, спокойным.

— Тебе важно имя?

— Имя — это то, с чего все начинается. — Аделин прижала ткань к груди, не столько ради скромности, сколько чтобы не выдать дрожи. — Я знаю, что ты — не человек. Не совсем. Но если я должна быть здесь, должна знать хотя бы это.

Он молчал. Несколько долгих мгновений.

— Меня называли по-разному, — сказал он наконец. — Сотнями имен. Но Гидеон — это единственное, что я выбрал сам.

Она кивнула.

— Тогда этого достаточно.

Он усмехнулся краем губ — ни насмешливо, ни нежно. Просто отметил ее ответ, как отмечают в себе очередную неожиданность.

— А ты всегда задаешь такие вопросы после... — он чуть приподнял бровь, — близости?

— Только тем, кого не могу выкинуть из головы, — парировала она. — Или из своей собственной постели.

Он тихо рассмеялся — впервые по-настоящему. Без холода. Без угрозы.

— Осторожнее, Аделин. Так можно начать разговаривать по душам.

— А ты боишься этого?

Он посмотрел на нее. Долго. И ответил не сразу:

— Боюсь, что если начну, не смогу остановиться.

Она не знала, что ответить. И потому просто положила руку на его ладонь, не сжимая, не прося, просто — была рядом.

Он не убрал ее руку. Даже наоборот — медленно перевернул ладонь вверх и переплел пальцы с ее.

Не как любовник. Как человек, который впервые позволяет себе быть прикоснутым.

— Я уже спрашивала… но все еще хочу знать, — произнесла Аделин тихо, будто боясь спугнуть этот момент. — Что ты такое?

Гидеон не ответил сразу. Смотрел в потолок, будто там мог найти правильные слова.

— Не демон. Не бог. Не призрак. — Голос был глухой, как будто шел издалека. — Но от всего этого — понемногу. Когда-то я был человеком. Давно. Столько жизней назад, что память стала легендой. И тогда… я сделал выбор.

— Стать таким, каким ты сейчас являешься?

— Не совсем. Это не дар. Это цена.

Он повернулся к ней — лицом к лицу.

— Ты чувствуешь мою силу, Аделин? В каждом касании. В каждой тени в этом доме.

— Да. — Она не отвела взгляда. — И чувствую, что ты больше, чем просто хищник.

Может быть, потому я и осталась.

Он наклонился ближе.

— Я могу разрушить все, что ты есть. Без сожаления. Без остатка.

— А ты можешь не разрушать? — спросила она. — Можешь… сохранить?

Он замер. Не в силах лгать — и не желая говорить правду.

— Это будет сложнее. Сложнее, чем ты думаешь.

Она улыбнулась еле заметно.

— Все, что стоит чего-то, требует риска. Даже если речь о тебе. Особенно — если теперь речь о тебе.

Его пальцы крепче сжали ее руку, и в этом прикосновении — в этой странной, зыбкой тишине — было куда больше близости, чем во всех страстных ночах до этого.

— Ты ведь думаешь, что сама все решила, — тихо произнес Гидеон. — Думаешь, что выбрала прийти, выбрала остаться, выбрала лечь рядом.

Аделин не ответила. Он продолжал:

— Отчасти — так и есть. Но только отчасти.

Он отпустил ее ладонь и поднялся, прошелся по комнате. Он не прятался в тени, но казалось, будто тень следовала за ним, обволакивая.

— Я… не совсем позволил тебе быть свободной. Не сразу. С самого начала — в ту ночь, когда ты вошла в сюда… Когда я притянул тебя сюда, я почувствовал жажду в тебе. Не буквальную. Голод — к тому, что скрыто, темно, запретно. Я знал, что могу заманить тебя. Очаровать. Подтолкнуть к шагу, который ты не сделала бы иначе.

Он остановился у окна, не оборачиваясь:

— Это часть моей природы. Это — сила. Я могу внушать желания. Могу сделать выбор кажущимся твоим. Не потому, что ты слаба. А потому что я — таков. Я дал тебе видимость свободы. И, возможно, до сих пор даю. Эта пелена, это опьянение, неспособность мыслить до конца ясно… — он сжал пальцы на подоконнике, — все это может быть следствием меня.

Аделин встала, не прикрываясь. Подошла ближе.

— Но я осталась. Я слышу тебя сейчас. Я чувствую — и сомневаюсь. А значит, где-то внутри я все еще свободна. Ты не лишил меня этого. И если пелена есть, я научусь видеть сквозь нее.

Гидеон обернулся. Его взгляд был напряженным, как будто он ждал обвинения — и не получил его. Только вызов. Тихий, упрямый, живой.

— И что ты сделаешь, если однажды поймешь: я все это время вел тебя, как на поводке?

— Я сорву поводок. И решу, идти ли дальше — уже не из-за тебя. А потому что хочу.

Гидеон подошел ближе. Дотронулся до ее щеки.

— Тогда у нас еще есть шанс. Для чего — я сам пока не знаю.

На утро Аделин проснулась в одиночестве.

Свет пробивался сквозь высокие витражи, окрашивая пол мозаикой тонких, выцветших теней. Постель была холодной с одной стороны — он ушел давно. Но не сразу. Это она знала точно.

Она подтянула простыню, села, провела пальцами по простыне, по складке, где недавно лежал он. И тут увидела — на подушке, у самого края, будто специально оставленное: кольцо. Тяжелое, старинное, с камнем цвета застывшей крови. Без лишнего орнамента, но с вырезанной изнутри гравировкой. Буквы — не английские. И не латинские. Что-то древнее.

Она взяла кольцо, подняла к свету. Камень был мутным, почти живым.

Прикосновение к металлу обожгло. Тонко, почти приятно.

Аделин не знала, что это значит. Подарок? Метка? Предупреждение?

Но внутри нее что-то дрогнуло. Кольцо несло в себе частицу Гидеона. Не только его тела — его сути. Прошлого.

И, возможно, правды, которую он пока не готов был отдать словами.

Она встала, крепко сжала находку в руке и прошептала:

— Тогда я начну с этого.

Она не надела кольцо. Пока.

Обернув его в уголок простыни, спрятала в выдвижной ящичек старого туалетного столика — с потрескавшимся лаком и вставкой из того самого зеркала, где когда-то не отразился Гидеон.

Символ не давал покоя.

После позднего завтрака — снова одинокого, снова оставленного безмолвной рукой слуги, которого она никогда не видела — Аделин взяла кольцо с собой. Осторожно, будто оно могло навредить. И пошла в библиотеку.

Среди бесконечных шкафов с кожаными корешками, запыленными корешками, безымянными томами, где названия были стерты временем, она искала что угодно: похожий узор, намек на язык, из которого могли быть выведены буквы.

Первым делом — раздел о древних письменностях.

Прошло больше часа, прежде чем взгляд выцепил нужное: Оккультные алфавиты Европы. XIII–XVII века. Тяжелая книга, пахнущая золой и сырой кожей. Пальцы тронули страницы — они трещали от времени.

И почти в самом конце — совпадение. Не буквальное, но слишком похожее, чтобы быть случайностью.

Символ был частью «алфавита Кассии» — как его называли алхимики из Германии. Псевдоязык, используемый в закрытых сообществах, чтобы прятать формулы, заклятия, или… имена.

Имен в расшифровке не приводилось. Только смысл.

Тот знак, что был выгравирован на кольце, в трактате значился как nomen non datum — «имя, не данное». Или: «имя, утаенное».

Имя, которое еще не названо. Или не может быть названо.

Аделин уронила взгляд. Пальцы сжали кольцо.

Он не сказал ей своего имени. Но оставил подсказку в виде шифра. В виде дара. Или напоминания. У него не было имени. Он мог называть себя так, как хотел сам.

Весь день прошел над страницами книг. После находки в алхимическом трактате Аделин ожидала больше — цепочку разгадок, намеки, символы, созвучия. Но книги молчали.

Ни в одной из них не было ничего похожего на кольцо. Ни намека на Гидеона, на силу, скручивающую ее разум, как шелковую нить. Все, что казалось важным утром, к вечеру стало лишь запутанным шепотом бумаги.

Но был один выигрыш.

Она не уснула.

Впервые за все время, проведенное здесь, не сдалась перед подступающей одурью. Не провалилась в пустоту, не растаяла в забытьи.

Когда пробило шесть — или то, что она считала шестью, по старым напольным часам — Аделин закрыла последнюю книгу. Пальцы были в пыли, как у библиотекаря или археолога, но глаза горели.

И она пошла ужинать. Слишком поздно, но все же надеясь на успех.

Как обычно — зал, длинный стол, приглушенный свет. Еда стояла и была свежей, словно ее несколько раз меняли в ожидании запаздывающего гостя. Все выглядело так же, как и всегда. Но на этот раз он был там. Нет, не Гидеон. Слуга. Или тень, что исполняла его волю.

Человеческий силуэт — вытянутый, в полумраке, почти сливающийся со стеной. Он замер, заметив ее, и исчез с такой же бесшумной ловкостью, как и появился.

Но это был человек. Или что-то очень близкое. Не иллюзия.

Аделин замерла в проходе, вдыхая медленно, будто любое резкое движение могло спугнуть то хрупкое, что только что обнажилось.

Она не одна. И, возможно, никогда не была.

Она не успела сделать и шага.

Из-за одной из колонн, с другой стороны зала, словно вырос из темноты Гидеон.

Он не шел. Он был. Просто появился, как всегда — беззвучно, без объявления. Присутствие, обостряющее слух, кожу, дыхание.

Голос прозвучал тихо, но безошибочно:

— Тебя не должно здесь быть.

Он не поднимал голос, но каждое слово прозвучало, как команда. И все же в его тоне не было ярости. Только неопределенность.

Не упрек, не угроза. Скорее... сомнение.

Будто она нарушила правило, которое он сам забыл объяснить.

Аделин не отступила.

— Почему?

Он смотрел на нее, глаза в полумраке сверкнули остро, как лезвие.

— Потому что если ты увидела его, — он произнес это с нажимом, — значит, ты слишком далеко. А назад — дороги нет.

Аделин выпрямилась, вытянула шею, будто бросая вызов самому мраку замка:

— Я больше не пленница.

Ответ пришел в тот же миг. Ни шагов, ни движения — только внезапная близость. Он оказался прямо перед ней. Ладонь — резко, но без боли — легла на ее горло, прижимая к холодной каменной стене.

Его тело не давило, но близость обжигала.

Гидеон наклонился, их лица разделяли миллиметры. В его глазах бушевало что-то большее, чем гнев. Что-то старое, несущее за собой смерть и соблазн.

— Ты здесь гостья, — выговорил он с ледяной отчетливостью, — не хозяйка. Не забывайся.

С каждым словом его хватка становилась чуть сильнее, но не доводила до боли.

Только напоминание. Только граница.

Ее дыхание сбилось. Не от страха. От накатившего прилива — ярости, вызова, неожиданного желания.

Аделин не отпрянула.

Не дернулась, не заплакала, не взмолилась.

Лишь выдохнула — медленно, ровно, так, что ее губы почти коснулись его.

— Хорошо, — сказала она. Голос был мягким, почти ласковым. — Гостья. Но… не забывай, лорд, иногда гостья может устроить в доме пожар. Если ты забудешь закрыть двери.

Она не улыбнулась — но в уголках губ дрогнула тень, неприкрытая, опасная.

И замерла. Покорная позе, но не мысли.

Ее шея оставалась в его ладони, и она предлагала ее — не телом, не словами, а тишиной.

Выбор остался за ним.

Она просто стояла и дышала — слишком спокойно для жертвы.

Слишком уверенно для той, кто якобы сдалась.

Гидеон зарычал — не словами, не фразой, а низким звериным звуком из самой груди.

Его рука с шеи скользнула ниже — и в тот же миг он опрокинул ее на стоявший рядом стол. Дерево заскрипело от резкого движения, посуда со звоном рассыпалась, ткань ее юбки уже была в его ладонях.

Он задрал ее вверх, обнажая бедра, держа ее прижатой, тяжелой ладонью вдавленной в полированную поверхность.

Он был готов. Желание било в висках, в пальцах, в голосе.

Он почти вошел в нее. Почти.

Но…

Застыл.
Как будто ударился о невидимую стену.
Не заклятие. Не страх. Что-то иное.

Он смотрел на нее — в ее глаза, откинув прядь с ее щеки — и видел вопрос, а не страх.

Вызов, а не покорность.

Выбор, который она все еще оставляла за собой. Даже сейчас.
И это остановило его.

Тело жаждало, разум кричал, но он лишь выдохнул — медленно, сдержанно, с мучительной, нечеловеческой дисциплиной.
— Не сейчас, — прошептал он. — Не так. Не здесь.
Он отступил на шаг. Закрыл глаза. И еще тише добавил:
— Проклятие ты мое.
Аделин лежала еще мгновение — молча, дыша неровно, ощущая, как под ладонью все еще пульсирует тепло его тела. Но он не шевелился. Не касался.

И она поняла, что это ее момент.
Медленно поднялась. Опустила юбку. Поправила складки. Провела рукой по спутанным волосам.

Он стоял, не двигаясь, не глядя.

Как будто сдерживал нечто чудовищное внутри.
Она посмотрела на него — долго, спокойно. В ее взгляде не было ни страха, ни гнева. Только твердое "нет" — не словами, но решимостью.

Она повернулась и ушла. Без угроз. Без реверансов. Без оглядки.
Впервые она ушла первая.

Оставила его — с его голодом, с его вечной жаждой, с его властью, которой он не воспользовался.
И в ее шаге была власть другого порядка.

Седьмая глава

Они не виделись несколько дней. Гидеон, словно снова стал человеком, не рисковал подходить к разъяренной женщине. Что-то в ее эмоциях всколыхнуло в нем собственные чувства. Аделин же просто решила не инициировать встречу.

Когда он все-таки рискнул зайти к ней в комнату, она не подошла к нему, напротив, отошла как можно дальше. Но в ее глазах горел какой-то новый огонь.

— Ты боишься меня, — сказал он тихо, почти с сожалением.

Аделин стояла у окна, опираясь на подоконник руками и не в силах оторваться от взгляда Гидеона. За окном — ночь, словно рассыпанные по небу вороньи перья. Напротив — он. И тень, что всегда следует за ним.

— Я боюсь себя… рядом с тобой, — прошептала она. Скрываться не было смысла. Уйти не было возможности. Оставалось только принять. Его. Себя рядом с ним. Их двоих — чем бы они не были.

Он подошел вплотную. Девушка не издала ни звука — только ощущение, будто ее собственное дыхание стало чужим.

— Значит, ты чувствуешь это, — прошелестел Гидеон и провел пальцем по ее ключице. Совсем легкое прикосновение — но под ним словно с новой сило

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.